

А. Архангельскій.

АКАДЕМИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
ПУШКИНА.

Сочиненія Пушкина. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Приготовилъ и примѣчаніями снабдилъ Леонидъ Майковъ. Томъ первый. Лирическія стихотворенія (1812—1817). С.-Пб., 1899.

Оттискъ изъ „Русск. Филолог. Вѣстника“

ВАРШАВА.
ТИПОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.
Краковское-Предмѣстье № 3.

1900.

Дозволено Цензурою.

Варшава, 2 мая 1900 года.



Александр Пушкин

Академическое изданіе сочиненій Пушкина.

Сочиненія Пушкина. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Приготовилъ и примѣчаніями снабдилъ Леонидъ Майковъ. Томъ первый. Лирическія стихотворенія (1812—1817). С.-Пб., 1899.

Передъ нами начало „критическаго изданія“ сочиненій Пушкина, предпринятаго Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. Вышедшій первый томъ „Сочиненій Пушкина“ представляетъ собой около 300 страницъ текста и болѣе 400 страницъ примѣчаній къ нему. Текстъ заключаетъ въ себѣ лирическія произведенія Пушкина первыхъ шести лѣтъ его поэтической дѣятельности, съ 1812 по 1817 (собственно — пяти лѣтъ: отъ 1813 года никакихъ произведеній Пушкина не сохранилось),—такъ называемыя его „лицейскія“ стихотворенія, включая сюда и тѣ, которыя были написаны поэтомъ во вторую половину 1817 года, по выходѣ изъ Лицея. Примѣчанія даютъ варіанты къ основному тексту, историко-литературныя комментаріи и т. п. Чрезвычайную научную важность представляетъ вышедшій томъ какъ своимъ основнымъ текстомъ, такъ и „примѣчаніями“.

Многочисленныя критическія статьи и замѣтки, вызванныя въ нашей печати настоящимъ изданіемъ, единогласно отвели ему самое почетное мѣсто въ позднѣйшей юбилейной литературѣ о великомъ поэтѣ, среди которой оно явилось; намъ кажется, этому изданію—когда оно вы-

полнится до конца — безусловно отведено будет первое мѣсто и вообще во всей литературѣ о Пушкинѣ. Наша „литература о Пушкинѣ“ весьма не мала; но ей до сихъ поръ недостаетъ главнаго — строго научнаго изданія самыхъ произведеній писателя... Предпринятое Академіей Наукъ изданіе, повидимому, разъ на всегда удалитъ этотъ существеннѣйшій пробѣлъ; по крайней мѣрѣ, находящійся теперь передъ нами первый томъ „Сочиненій Пушкина“ даетъ всѣ основанія быть увѣреннымъ въ этомъ.

Мы не имѣемъ въ виду въ настоящемъ случаѣ касаться всѣхъ подробностей разсматриваемаго изданія; намъ хотѣлось бы сдѣлать лишь нѣсколько замѣчаній о важнѣйшихъ, наиболѣе существенныхъ его сторонахъ, — указать въ общемъ то мѣсто, какое оно должно занять въ ряду другихъ, имѣющихся на лицо, изданій произведеній нашего великаго поэта.

Предпринятое Академіей Наукъ изданіе своей особой цѣлью ставитъ критическую провѣрку наличнаго текста сочиненій Пушкина, установленіе правильнаго текста его произведеній, — вмѣстѣ съ подведеніемъ итоговъ всему тому, что сдѣлано у насъ до сихъ поръ по изученію Пушкина, его личности, обстоятельствъ его жизни, изученію его сочиненій. „До сихъ поръ попытки приготовить такое изданіе, замѣчается въ предисловіи, не могли увѣнчаться успѣхомъ, главнымъ образомъ — по своей преждевременности: не всѣ сочиненія Пушкина могли сдѣлаться достояніемъ печати, рукописи его не были доступны изученію, и очень многое изъ сказаннаго Пушкинымъ или касающагося его жизни не могло быть объяснено съ достаточной полнотой и точностью. Нынѣ ходъ времени самъ собою устраняетъ эти затрудненія; протекло болѣе шестидесяти лѣтъ со дня его кончины; поколѣніе, ему современное, сошло съ поприща дѣятельности; тѣ общественныя отношенія и условія, среди которыхъ онъ жилъ, отдвинулись въ прошлое. Конечно, это прошлое еще мало изучено; но передъ нами

остался самъ великій поэтъ, со своими бессмертными произведеніями, и мы еще не такъ далеко ушли отъ того періода русской жизни, когда онъ жилъ и дѣйствовалъ, чтобъ его личность и дѣятельность успѣли затуманиться въ сознаніи потомства. Частная работа надъ изученіемъ сочиненій Пушкина началась вслѣдъ за его кончиной; матеріалы для его жизни и творчества стали собираться давно и продолжаютъ отерываться до нынѣ. Чѣмъ болѣе накапливается такихъ матеріаловъ и толкованій къ нимъ, тѣмъ осязательнѣе становится необходимость подвести итоги этой дробной работѣ: итоги эти и должны заключаться въ критическомъ изданіи всего, что было написано Пушкинымъ, и въ составленіи его жизнеописанія, какъ прямого и непосредственнаго объясненія его произведеній“.

Нельзя не сдѣлать къ сказанному сейчасъ небольшого примѣчанія. Врядъ ли можно преждевременностью объяснять „главнымъ образомъ“ причину, почему „до сихъ поръ“ мы не имѣемъ исполнѣ научнаго, сдѣланнаго и провѣреннаго непосредственно по основнымъ первоисточникамъ, изданія сочиненій одного изъ величайшихъ представителей нашей позднѣйшей литературы. Почти уже 20 лѣтъ, какъ подлинныя рукописи поэта предоставлены свободному изученію всѣхъ желающихъ... „Главная“ причина, думается намъ, другая, — указанная самимъ Пушкинымъ: „мы лѣнны и нелюбопытны“... Въ отношеніи къ Пушкину „до сихъ поръ“ русской наукой далеко не сдѣлано всего того, что исполнѣ возможно было сдѣлать, и что чаще всего и „главнымъ образомъ“ зависѣло лишь отъ доброй воли самихъ „дѣлателей“... Предпринятое Академіей Наукъ изданіе далеко не можетъ похвалиться своими предшественниками, — за исключеніями самыми рѣдкими, единичными...

Едва ли не лучшимъ такимъ „исключеніемъ“ является изданіе Анненкова (7 томовъ, С.-Пб., 1855—1857). Не смотря на то, что оно вышло болѣе сорока лѣтъ тому назадъ, оно не только и до сихъ поръ сохраняетъ

все свое значеніе въ ряду имѣющихся у насъ на лицо „лучшихъ“ изданій Пушкина, но, какъ увидимъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и превосходить ихъ. Нѣкоторое значеніе оно, повидимому, сохранить и послѣ настоящаго, академическаго изданія: разумѣемъ пользованіе Анненковыми рукописями, которыя въ настоящее время являются уже „недоступными“... Изданіе Анненкова — въ сущности единственное, съ которымъ вполне можетъ быть сравниваемое разсматриваемое академическое изданіе: мѣркой для сравненія беремъ главное и существеннѣйшее условіе для всякаго строго научнаго изданія — степень непосредственной близости къ основнымъ первоисточникамъ изданія, всесторонность и обстоятельность изученія редакторомъ подлежащихъ рукописныхъ и печатныхъ матеріаловъ, въ особенности имѣющихся на лицо подлинныхъ рукописей автора... Никто изъ издателей Пушкина, ни раньше, ни позже Анненкова — вплоть до настоящаго академическаго изданія — не относился къ своей задачѣ съ такой научной широтой, никто не изучалъ съ такимъ вниманіемъ дошедшихъ рукописей, вмѣстѣ съ относящимися сюда печатными текстами, никто не выказалъ такого труда и такой любви къ изученію его твореній и ихъ историко-литературному и общественному освѣщенію — какъ Анненковъ!... „Многимъ еще памятно, говоритъ современникъ, то сильное впечатлѣніе, которое произвело въ обществѣ и особенно въ литературныхъ кружкахъ изданіе сочиненій Пушкина, вышедшее въ 1855 году (первые шесть томовъ) подъ наблюденіемъ Анненкова. Среди однообразія тогдашней литературы какою свѣжестью пахнуло отъ этихъ красиво напечатанныхъ страницъ, на которыхъ читатели, рядомъ съ давно знакомыми и давно любимыми произведеніями славнаго поэта, встрѣчали новыя, дотолѣ неизвѣстныя въ печати откровенія его музы и затерянные въ старыхъ журналахъ яркія блестики его гениальнаго дарованія и могучаго ума! Какою драгоценностью казались свѣдѣнія о жизни и творествѣ Пушкина, собранныя во

введеніи, которое авторъ-издатель скромно назвалъ „матеріалами для біографіи“ поэта! Что изданіе Анненкова не вполнѣ исчерпало литературное наслѣдіе, уцѣлѣвшее въ бумагахъ Пушкина, — объ этомъ стало извѣстно очень скоро, и самъ издатель поспѣшилъ пополнить по возможности пробѣлы своего труда, выпустивъ въ 1857 году седьмой дополнительный томъ къ шести изданнымъ за два года передъ тѣмъ. Но сила впечатлѣнія, произведеннаго изданіемъ, зависѣла не отъ новыхъ дополненій, а отъ того, что въ трудѣ Анненкова созданія поэта являлись впервые въ исправномъ, неиспорченномъ опечатками текстѣ, расположенныя въ правильномъ хронологическомъ порядкѣ и умно объясненныя трудолюбивымъ и внимательнымъ біографомъ. На читателя благотворно дѣйствовало то благоговѣніе, съ которымъ издатель относился къ своему дѣлу. Если за Бѣлинскимъ остается заслуга первой полной критической оцѣнки Пушкина въ связи съ общимъ развитіемъ новой русской литературы, — то прекрасное начало научному истолкованію художнической дѣятельности поэта въ связи съ событіями его жизни положено было, безъ сомнѣнія, П. В. Анненковымъ“... Къ тексту каждаго произведенія присоединяются обширныя комментаріи въ примѣчаніяхъ, — гдѣ или указываются рукописи, по которымъ издаются стихотворенія (хотя, къ сожалѣнію, самыя указанія на эти рукописи нѣсколько общи), а также болѣе раннія первопечатныя изданія, или приводятся варіанты по другимъ редакціямъ, или дѣлаются тѣ или другія историко-литературныя поясненія и т. п.; все это въ общемъ давало совершенно новый и чрезвычайно обширный матеріалъ для изученія личности поэта и его произведеній. Для своего времени особенно важными были обширныя пополненія къ предшествовавшему, вышедшему въ 1838—1841 гг., „посмертному“ изданію, многочисленныя указанія на искаженія текста въ этомъ изданіи, и т. д. Фактическимъ распределеніемъ произведеній по годамъ — впервые дѣлалась болѣе точная хронологія Пушкинскихъ

произведений (хотя въ данномъ случаѣ приходилось вѣрить исключительно авторитету редактора — такъ какъ самыхъ основаній для хронологіи редакторомъ не приводилось)... Впрочемъ, полное довѣріе въ этому авторитету читателемъ получалось съ первыхъ же страницъ изданія: все говорило о необыкновенной тщательности изученія редакторомъ-издателемъ всѣхъ подлежащихъ матеріаловъ, какъ печатныхъ, такъ и рукописныхъ, — о глубокоомъ сознаніи имъ важности принятаго имъ на себя дѣла, наконецъ, о томъ общемъ „благоговѣніи“, которое дѣйствительно всюду проявлялось редакторомъ въ издаваемому имъ писателю...

По причинамъ, совершенно непонятнымъ, — это „благоговѣніе“ очень мало было выказано даже ближайшими друзьями поэта въ такъ называемомъ, упомянутомъ нами сейчасъ, „посмертномъ“ изданіи произведений Пушкина 1838—1841 гг. По справедливому выраженію компетентнаго изслѣдователя, это изданіе вышло „по истинѣ безобразнымъ“, — хотя во главѣ его стоялъ ближайшій другъ Пушкина и одинъ изъ ближайшихъ представителей всей нашей тогдашней литературы, Жуковскій... Вскорѣ послѣ смерти Пушкина, Жуковскій заявлялъ въ печати: „Въ бумагахъ послѣ него (Пушкина) оставшихся, найдено много начатаго, весьма мало конченнаго; съ благоговѣйной любовью къ его памяти, мы сохранимъ все, что можно будетъ сохранить изъ сихъ драгоцѣнныхъ остатковъ, и они въ свое время будутъ изданы въ свѣтъ“... Но въ вышедшихъ затѣмъ одиннадцати томахъ посмертнаго изданія (С.-Пб., 1838—1841 г.) мы не видимъ не только „благоговѣйнаго“, но и вообще сколько нибудь внимательнаго и обдуманнаго пользованія „драгоцѣнными остатками“, не только рукописными, но и уже напечатанными. О какой либо полнотѣ изданія не можетъ быть и рѣчи; но трудно услѣдить и вообще планъ, что либо похожее на систему, въ самыхъ вырѣзкахъ, безчисленныхъ пропускахъ, — помимо искаженій и опечатокъ! Какъ было уже замѣчено, неполнота изданія, его иска-

женія, пропуски, нерѣдко опечатки — въ обилии указываются въ „примѣчаніяхъ“ Анненкова. Въ рукахъ издателей былъ богатѣйшій, во многихъ отношеніяхъ всеѣмъ не тронутый матеріалъ; въ очень и очень многихъ случаяхъ они не могли встрѣтить препятствій и со стороны цензуры, — и не смотря на это издатели съ какой то поражающей небрежностью и безсистемностью относятся не только къ находящимся передъ ними новымъ матеріаламъ, рукописнымъ сокровищамъ, но и къ тому, что было напечатано поэтотъ ранѣе, при своей жизни: заимствуемое изъ рукописей печатается съ пропусками, совершенно непонятными, или съ измѣненіями, дѣлаемыми посторонней рукой, многое, бывшее уже въ печати раньше, но разсѣянное по старымъ рукописямъ — всеѣмъ является пропущеннымъ въ изданіи; пропуски и купюры, трудно объяснимые, дѣлаются и въ томъ, что уже давно напечатано... Наконецъ, самые оригиналы берутся для изданія безъ всякаго вниманія къ ихъ относительному достоинству: оставляя въ сторонѣ лучшіе списки, издатели нерѣдко печатаютъ съ рукописей дурныхъ, случайно, попавшихся и т. д. и т. д. Кромѣ значенія историческаго и, какъ видимъ, самаго прискорбнаго, — „по-смертное“ изданіе сочиненій Пушкина не можетъ въ настоящее время представлять никакого другого. Единственнымъ достоинствомъ этого изданія, служащимъ однако для него скорѣе укоромъ — является связь его съ рукописнымъ матеріаломъ, оставшимся послѣ Пушкина, извѣстная степень пользованія этими матеріалами.

Ни этого пользованія рукописными матеріалами, ни общаго „благоговѣнія“ къ твореніямъ великаго писателя — не говоримъ уже о какой либо широтѣ самостоятельнаго изученія писателя и подлежащихъ изданію матеріаловъ, печатныхъ и рукописныхъ — не видимъ въ большинствѣ позднѣйшихъ изданій Пушкина; чаще всего это большинство носитъ исключительно коммерческій характеръ, и лишено всякаго сколько нибудь серьезнаго, самостоятельнаго отношенія къ взятой на себя за-

дачѣ... Широкой, строго научной постановки дѣла не видимъ мы и въ двухъ, безъ сомнѣнія, лучшихъ изъ позднѣйшихъ, имѣющихся на лицо, изданій сочиненій Пушкина: въ изданіи г. Ефремова (болѣе ранняя редакція—шесть томовъ, С.-Пб., 1880—1881; болѣе поздняя, значительно улучшенная—семь томовъ, М., 1882) и въ изданіи Литературнаго Фонда, вышедшемъ подъ редакціей г. Морозова (семь томовъ, С.-Пб., 1887). Оба эти — лучшія пока — изданія значительно превосходятъ изданіе Анненкова фактической полнотой (что больше всего зависѣло отъ самаго, болѣе поздняго, времени ихъ появленія), — но совершенно уступаютъ ему въ тщательности изученія подлежащихъ основныхъ источниковъ, въ обстоятельности и самостоятельности своихъ комментариевъ, въ общей широтѣ и полнотѣ изученія писателя, и всего хода его литературной дѣятельности; оба изданія лишены напр. біографіи писателя, лучше всего, конечно, объясняющей его произведенія, — не имѣютъ и вообще столь важныхъ и цѣнныхъ примѣчаній историколитературныхъ и т. п. Главное же — что особенно важно — оба эти изданія совершенно уступаютъ изданію Анненкова въ полнотѣ пользованія и вообще въ непосредственной близости къ основнымъ первоисточникамъ изданія, — въ широтѣ и обстоятельности изученія матеріаловъ рукописныхъ, а иногда и печатныхъ, въ тщательности и широтѣ изученія этихъ первоисточниковъ. Ни въ томъ, ни въ другомъ изданіи мы не видимъ той твердой обоснованности изданія, глубины изученія, — которая, можно сказать, съ первыхъ страницъ охватываетъ и покоряетъ себя читателя въ изданіи Анненкова... Даже больше: въ приѣмѣ и объемѣ пользованія первоисточниками мы не видимъ самой основной — и съ точки зрѣнія научныхъ требованій — необходимой полноты изученія: что выполняется однимъ изданіемъ — остается совершенно въ сторонѣ другимъ... Разумѣемъ пользованіе рукописными матеріалами и ранними первопечатными текстами сочиненій Пушкина. Изданіе

г. Ефремова (7 частей, М., 1882) едва ли не должно быть поставлено въ этомъ отношеніи отчасти выше изданія Литературнаго Фонда: въ изданіи г. Ефремова мы видимъ послѣдовательное и въ общемъ весьма тщательное изученіе одного изъ основныхъ первоисточниковъ изданія — текстовъ первопечатныхъ; этого далеко нельзя сказать объ изданіи Литературнаго Фонда по отношенію къ пользованію имъ первоисточниками рукописными... Какъ давно уже было замѣчено въ ученой критикѣ, два названныхъ изданія, каждое въ отдѣльности, по обстоятельствамъ отчасти независимымъ отъ самаго изданія, отчасти зависящимъ всецѣло отъ него — сосредоточивается преимущественно, а иногда и исключительно, лишь на одномъ изъ которыхъ либо изъ двухъ основныхъ первоисточниковъ: или на изученіи первопечатныхъ текстовъ или на болѣе близкомъ знакомствѣ съ матеріаломъ рукописнымъ. Г. Ефремовъ, по обстоятельствамъ совершенно отъ него независившимъ, былъ почти совершенно лишенъ возможности пользоваться оригинальными рукописями поэта: эти рукописи могли быть доступными ему лишь отчасти и крайне случайно. Изученія рукописей мы почти и не видимъ въ его изданіи. Главное, почти исключительное вниманіе онъ сосредоточиваетъ на изученіи первопечатныхъ текстовъ сочиненій Пушкина, на изданіяхъ, напечатанныхъ самимъ поэтомъ, и вообще явившихся при его жизни... Въ предѣлахъ этого источника сдѣлано имъ очень много для установки правильнаго текста произведеній нашего великаго поэта.

Существеннымъ преимуществомъ изданія Литературнаго Фонда, подъ редакціей г. Морозова, является пользованіе подлинными рукописями Пушкина (за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ принесенными владѣльцемъ въ даръ Румянцевскому Музею и такимъ образомъ здѣлавшимися для всѣхъ доступными). Послѣ „посмертнаго“ изданія 1838—1841 гг. и изданія Анненкова въ 1855—1857 гг., изданіе подъ редакціей г. Морозова—

вплоть до настоящаго академическаго изданія — единственное, непосредственно обратившееся къ рукописямъ поэта, съ цѣлью пополненія и провѣрки наличнаго текста его произведеній!... Своей задачей изданіе Литературнаго Фонда именно поставило провѣрку по подлиннымъ рукописямъ находящагося въ обращеніи текста произведеній Пушкина. Къ сожалѣнію, достоинства выполненія поставленной цѣли оказались въ изданіи болѣе чѣмъ относительными. Изданіе не воспользовалось со всей должной полнотой и обстоятельностью тѣми рукописными матеріалами, къ которымъ обратилось... Внимательное, тщательное изученіе рукописей могло самымъ рѣшительнымъ и наиболѣе выгоднымъ образомъ выдѣлить это изданіе изъ ряда предшествовавшихъ ему изданій, не имѣвшихъ возможности пользоваться рукописными матеріалами, и тѣмъ самымъ сдѣлать самый существенный вкладъ въ литературу о великомъ русскомъ писателѣ; вклада такого изданіе г. Морозова не сдѣлало. Рукописными сокровищами, подлежащими изученію, оно воспользовалось крайне поверхностно,—помимо того, что и другой основной первоисточникъ изданія, первопечатные тексты, съ такой основательностью изученные въ изданіи г. Ефремова, г. Морозовымъ былъ оставленъ въ сторонѣ... Въ принципѣ, изданіе Литературнаго Фонда вполне соглашается съ необходимостью и важностью изученія какъ первопечатныхъ изданій, такъ и рукописей; но на практикѣ какъ-то обошлось безъ глубокаго изученія и тѣхъ и другихъ. Въ этомъ изданіи читатель не видитъ передъ собой ни текста прежнихъ первопечатныхъ Пушкинскихъ изданій, ни имѣющагося на лицо рукописнаго матеріала его произведеній... Текстъ изданія Литературнаго Фонда почти совершенно лишенъ варіантовъ. Оно не даетъ никакой исторіи текста издаваемыхъ произведеній — или указанія подобнаго рода крайне отрывочны и случайны; приводимые варіанты вообще ничтожны по своей малочисленности или перепечатываются прямо изъ изданія г. Ефремова, напр. по отноше-

нію къ лицейскимъ произведеніямъ... Въ изданіи вообще не видно какого либо точнаго, строго выработаннаго приѣма при пользованіи подлежащими рукописными матеріалами; пользованіе рукописями вообще весьма недостаточное, далеко не исчерпывающее всего содержанія этого основнаго и важнѣйшаго первоисточника. Редакторъ не ставитъ себѣ даже и цѣлью всестороннее и полное изученіе рукописнаго матеріала, и на первыхъ же порахъ значительно его урѣзываетъ, заявляя,—что „по подлиннымъ рукописямъ“ свѣряются и исправляются имъ лишь произведенія, „впервые появившіяся въ печати послѣ смерти Пушкина“... Въ ученой критикѣ своевременно указана была вся неосновательность такого приѣма; этою критикою и тогда же было указано и то, что подлежащій рукописный матеріалъ съ должнымъ вниманіемъ не изучается редакторомъ и въ предѣлахъ этихъ, весьма существенно урѣзанныхъ: и „посмертныхъ“ произведенія иногда остаются въ изданіи неисправленными по рукописи... Были указанія на примѣры и фактической неполноты, пропусковъ въ текстѣ, — сравнительно съ тѣмъ, что читается въ оригиналѣ (разумѣемъ указанія, сдѣланныя проф. Незеленовымъ). Съ отсутствіемъ вариантовъ можно бы было еще примириться, если бы основной текстъ, даваемый изданіемъ, представлялъ самъ по себѣ, въ своей собственной редакціи, результатъ тщательнаго и всесторонняго критическаго изученія первоисточниковъ, т. е. рукописнаго матеріала и первопечатныхъ изданій, — являлся строго и критически провѣреннымъ. Къ сожалѣнію, основной текстъ изданія далеко не имѣетъ этого характера; изданіе вообще не обнаруживаетъ какой либо особой, скрытой отъ читателя, предварительной работы надъ изученіемъ изданнаго текста... Характеръ и основного текста, даннаго изданіемъ, лишень критической провѣрки, нерѣдко случаенъ, и — какъ это уже было своевременно указано критикою (разумѣемъ статьи г. Якушкина) — чаще всего берется изъ изданія г. Ефремова. Въ отношеніи къ печат-

нымъ изданіямъ г. Морозовъ, кажется, исключительно слѣдуетъ изданію г. Ефремова; этому же изданію онъ слѣдуетъ въ распредѣленіи сочиненій Пушкина хронологическомъ (говоримъ въ данномъ случаѣ о „лицейскихъ“ стихотвореніяхъ),—лишь въ двухъ-трехъ случаяхъ отступая отъ хронологіи г. Ефремова... Изданіе Литературнаго Фонда лишено и общаго сколько нибудь широкаго научнаго аппарата. „Примѣчанія“, даваемые имъ къ тексту, чаще всего крайне бѣдны содержаніемъ — или буквально заимствуются изъ того же изданія г. Ефремова... Все сказанное, конечно, не исключаетъ и извѣстныхъ крупныхъ достоинствъ изданія; цѣлый рядъ произведеній имъ былъ данъ въ лучшихъ, болѣе исправныхъ текстахъ, мѣстами сдѣланы были значительныя дополненія, поправки къ бывшему ранѣе въ обращеніи Пушкинскому тексту... Мы хотимъ сказать лишь, что это изданіе не дало того, что могло и должно было дать, что въ этомъ изданіи мы не видимъ полного, отвѣчающаго всей важности предмета, вниманія къ своей задачѣ. Въ этомъ отношеніи оно, какъ мы уже замѣтили, должно быть поставлено ниже изданія г. Ефремова... Полнота научнаго вниманія была тѣмъ обязательнѣе, что — прибавимъ къ сказанному — тотъ рукописный матеріалъ, къ которому обращалось изданіе Литературнаго Фонда, въ строгомъ смыслѣ слова тоже не былъ совершенно неизвѣстнымъ въ наукѣ: изданіе Литературнаго Фонда предшествовалось въ печати капитальными статьями г. Якушкина въ „Русской Старинѣ“ (за 1884 г.), гдѣ главная масса дошедшаго до насъ, имѣющагося теперь на лицо Пушкинскаго рукописнаго матеріала, — съ образцовою тщательностью являлась изученною и описанною...

Таковы важнѣйшіе „предшественники“ разсматриваемаго академическаго изданія,—все, что сдѣлано „до сихъ поръ“ русской наукой по изученію и изданію „Пушкинскаго текста“. Какъ видимъ, изъ бывшихъ у насъ до сихъ поръ изданій сочиненій Пушкина, — даже лучшія

наиболѣе самостоятельныя, или являются иногда лишенными широкой строго научной постановки, страдают недостаточностью, иногда даже случайностью изученія своихъ основныхъ первоисточниковъ, матеріаловъ рукописныхъ и первопечатныхъ—какъ изданія гг. Ефѣремова и Морозова, или, при широтѣ научной постановки, тщательности изученія первоисточниковъ, являются въ значительной степени фактически неполными,—какъ изданіе Анненкова... Ниже мы будемъ еще имѣть случай вернуться къ сравнительной оцѣнкѣ научнаго достоинства этихъ „лучшихъ“ изданій Пушкина.

Предпринятое Академіей Наукъ изданіе свою задачу понимаетъ въ самомъ широкомъ смыслѣ, и основой своей, главнымъ средствомъ къ установленію „правильнаго текста“ сочиненій Пушкина, критической его провѣрки и очистки ставитъ ближайшее изученіе обоихъ указанныхъ, основныхъ первоисточниковъ—имѣющагося на лицо рукописнаго матеріала и прежнихъ, первопечатныхъ текстовъ, особенно вышедшихъ при ближайшемъ участіи самого поэта. „Особой заботой академическаго изданія Пушкина—читаемъ въ предисловіи—должно быть установленіе правильнаго текста его произведеній... Ближайшее изученіе рукописей Пушкина, хранящихся въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ, а также въ Императорской Публичной Библіотекѣ и частныхъ лицъ, и затѣмъ сличеніе различныхъ изданій произведеній Пушкина, преимущественно изданій, выпущенныхъ подъ его непосредственнымъ надзоромъ, являются лучшимъ способомъ для установленія правильнаго Пушкинскаго текста. Въ академическомъ изданіи всѣ произведенія поэта, вышедшія въ свѣтъ при его жизни, будутъ напечатаны въ томъ именно видѣ, въ какомъ они появились въ печати на его глазахъ, при томъ въ послѣдній разъ. Исключеніе въ этомъ отношеніи будетъ допущено только для тѣхъ случаевъ, когда достоверно извѣстно, что подлинный Пушкинскій текстъ былъ измѣненъ рукой цензора или другого посторонняго поправителя. Что ка-

сается произведеній Пушкина, напечатанныхъ послѣ его кончины, текстъ ихъ будетъ воспроизводимъ въ точности по его собственнымъ рукописямъ, а за отсутствіемъ таковыхъ, по копіямъ, наиболѣе заслуживающимъ довѣрія“.

Въ разсматриваемомъ академическомъ изданіи сочиненій Пушкина, въ вышедшемъ его первомъ томѣ,—мы видимъ дѣйствительно со стороны редактора самое внимательное изученіе какъ всего подлежащаго рукописнаго матеріала, на сколько онъ сохранился до настоящаго времени и вообще могъ быть доступнымъ для изученія, такъ и соотвѣтствующихъ печатныхъ изданій *лицейскихъ произведеній* Пушкина.

Громадной заслугой изданія является. уже одно то, что рукописи Пушкина наконецъ будутъ собраны и приведены въ извѣстность... Справедливость вышеприведеннаго замѣчанія Пушкина о нашей „нелюбопытности“, къ прискорбію, сказалась и въ отношеніи къ нему самому, на судьбѣ его рукописей. Академическое изданіе впервые дѣлаетъ попытку подвести здѣсь итогъ: итогъ показываетъ, какъ много уже затеряно находится въ неизвѣстности, наконецъ, является теперь уже „недоступнымъ“—изъ того, что еще такъ недавно было извѣстно, чѣмъ могли пользоваться еще самые близкіе предшественники, что было въ рукахъ самыхъ недавнихъ изслѣдователей... На ряду со многими другими рукописями, Анненковъ пользовался при изданіи „лицейскихъ“ стихотвореній Пушкина (говоря о рукописяхъ Пушкина, имѣемъ въ виду—относящіяся къ „лицейскимъ“ стихотвореніямъ) между прочимъ—такъ называемой *Лицейской тетрады* барона М. А. Корфа (см. изданіе Анненкова, II, стр. 29. 91. 150—151), а также тою рукописью *Стихотвореній Пушкина*, съ которой дѣлалось самимъ авторомъ изданіе его стихотвореній въ 1826 году (см. изд. Анненкова, II, стр. 31—32. 151. 153—154. 187): обѣ эти рукописи оказались уже „недоступными“ для академиче-

скаго изданія, т. е. вѣроятно, уже затеряны!.. Вѣроятно, также затерянными, и во всякомъ случаѣ неизвѣстно гдѣ находящимися оказываются два рукописные сборника: *Жертва Мому, или Лицейская Антологія*, и особое собраніе *Стихотвореній воспитанниковъ Лицея, 1817 года*. Оба эти сборника могли-бы быть особенно любопытными: „Жертва Мому, или Лицейская Антологія“—сборникъ стихотвореній, который былъ писанъ въ 1814 году лицейскимъ товарищемъ Пушкина, И. И. Пущиннымъ, гдѣ бѣольшая часть стихотвореній принадлежала Пушкину“... Сборникъ былъ въ рукахъ Гаевского, который упоминаетъ о немъ въ своей статьѣ (Современникъ, 1863, № 7, стр. 147 sqq), но не приводитъ изъ него Пушкинскихъ стихотвореній,—такъ какъ они, по мнѣнію Гаевского, „не имѣютъ никакого достоинства“ (!!...). Другой сборникъ, „Стихотворенія воспитанниковъ Императорскаго Лицея“, писанный въ 1817 году, принадлежалъ другому лицейскому товарищу Пушкина, Матюшкину; сборникъ этотъ „просматривался“ И. П. Хрущовымъ, (см. акад. изд. „Соч. Пушкина“, I, примѣч., стр. 97. 243. 267. 334. 366. 383. 384),—не былъ однако описанъ послѣднимъ, и имѣется ли на лицо въ настоящее время и гдѣ, неизвѣстно... Лишь отдѣльные, отрывочные листы, случайно уцѣлѣвшіе (только потому, что оказались вылеенными въ другую постороннюю тетрадь), дошли до насъ и еще отъ одного подобнаго же сборника—такъ называемой *Лицейской Антологіи, собранной трудами -ий -шій...* Послѣднія буквы были псевдонимомъ А. Д. Илличевскаго, одного изъ ближайшихъ лицейскихъ товарищей Пушкина: сборникъ былъ не только „сбранъ“, но и переписанъ рукой Илличевскаго (сохранившіеся листы указываются въ акад. изд. „Соч. Пушкина“, I, примѣч., стр. 131. 290. 331—334. 336—338)... Какъ уже нами замѣчено, говоримъ лишь о рукописномъ матеріалѣ, относящемся къ „лицейскимъ“ стихотвореніямъ...

Нельзя не пожалѣть, что академическое изданіе не даетъ подробнаго, спеціальнаго описанія сохранившагося рукописнаго матеріала, — имѣющихся на лицо Пушкинскихъ рукописей, которыми пользуется; относящіяся сюда свѣдѣнія и указанія разбросаны по всему изданію, въ различныхъ мѣстахъ „примѣчаній“. Считаемо не лишнимъ сгруппировать здѣсь эти указанія, чтобы видѣть, въ какомъ положеніи находится теперь дошедшій до насъ рукописный матеріалъ Пушкинскихъ стихотвореній лицейскаго періода.

Матеріалъ этотъ въ общемъ — крайне отрывоченъ и случаенъ. Нѣкоторыя изъ лицейскихъ стихотвореній Пушкина дошли въ автографахъ и иногда даже въ нѣсколькихъ; другія, наоборотъ, совсѣмъ не существуютъ въ наличныхъ рукописяхъ, — и такимъ образомъ были-бы совершенно для насъ исчезнувшими, если-бы въ свое время случайно не были напечатаны въ какомъ нибудь журналѣ или альманахѣ; очень многія стихотворенія дошли хотя не въ автографахъ, но въ спискахъ, сдѣланныхъ ближайшими товарищами и друзьями Пушкина, часто съ его собственноручными поправками, — и такимъ образомъ представляютъ собой все значеніе автографовъ; иныя, наконецъ, въ спискахъ довольно позднихъ; иногда весьма неисправныхъ. Въ отношеніи къ самымъ произведеніямъ, дошедшіе до насъ автографы — случайны, имѣются далеко не для всѣхъ важнѣйшихъ произведеній, — хотя въ общемъ сохранилось ихъ довольно много: изъ всего количества дошедшихъ до насъ „лицейскихъ“ стихотвореній, около $\frac{1}{4}$ дошло въ автографахъ. Столько же приблизительно дошло въ спискахъ, написанныхъ ближайшими лицейскими товарищами автора и исправленныхъ потомъ самимъ авторомъ. Сравнительно съ общимъ наличнымъ количествомъ лицейскихъ стихотвореній, болѣе всего, около $\frac{1}{3}$, совсѣмъ не имѣетъ рукописныхъ списковъ, сохранилось лишь въ первопечатныхъ текстахъ. Меньше всего, около $\frac{1}{6}$ всего дошедшаго, дошло въ рукописяхъ сравнительно позднихъ или неисправныхъ.

Изъ имѣющихся на лицо рукописей лицейскихъ стихотвореній Пушкина важнѣйшая — *рукопись Московскаго Публичнаго Музея, № 2364*. Рукопись эта, въ числѣ другихъ, была принесена въ даръ Музею сыномъ поэта, А. А. Пушкинымъ, въ 1880 г. „Это — большая книга въ листъ, переплетенная въ картонныя доски съ краснымъ кожанымъ корешкомъ. Всѣхъ листовъ въ ней — 81; на первомъ изъ нихъ рукою автора-поэта написано: „Стихотворенія Александра Пушкина. 1817“. Со 2-го листа по 41-й вѣлчительно идутъ начисто переписанныя его стихотворенія юношескаго возраста, — съ поправками и отмѣтками болѣе поздняго времени, вѣроятно, 1825 года. Большая часть стихотвореній переписана самимъ авторомъ, но нѣкоторыя другими почерками; въ числѣ послѣднихъ можно узнать руки А. Д. Илличевскаго, И. И. Пущина, барона А. А. Дельвига. Начиная съ 42-го листа, въ тетради слѣдуютъ наброски разныхъ стихотвореній, писанныхъ позже 1817-го года (акад. изд. „Соч. Пушкина“, предисл., стр. 8—9). Заключая въ себѣ цѣлый рядъ лицейскихъ стихотвореній Пушкина, писанныхъ частью самимъ авторомъ, частью его ближайшими товарищами по Лицею, и снабженныхъ часто многочисленными собственноручными поправками поэта, точными хронологическими датами и т. п., — рукопись эта въ настоящее время является важнѣйшимъ, наиболѣе обширнымъ и богатымъ, источникомъ для провѣрки и восстановления подлиннаго текста лицейскихъ произведеній Пушкина, — а равно и для установленія болѣе прочной хронологіи самыхъ произведеній. Рукопись положена въ основу разсматриваемаго академическаго изданія. Нѣсколько лицейскихъ стихотвореній читается въ *тетради, писанной самимъ Пушкинымъ и принадлежавшей гр. П. И. Капнисту*; текстами этой тетради въ подлежащихъ случаяхъ также пользуется настоящее изданіе. Дальнѣйшіе, имѣющіеся на лицо автографы — *отдѣльные, отрывочные листы*, заключающіе въ себѣ тѣ или другія отдѣльныя стихотворенія. Нѣсколько такихъ листовъ-авто-

графовъ имѣется въ Императорской Публичной Библиотекѣ, въ Музеѣ и библиотекѣ Императорскаго Александровскаго Лицея, но бѣльшая часть находится въ собраніяхъ частныхъ лицъ, — въ собраніи, принадлежавшемъ акад. Гроту, въ собраніяхъ Е. Д. Куломзиноу, кн. П. А. Путятина, В. Е. Якушкина, П. И. Тиханова, А. А. Майковой, П. Н. Батюшкова (см. „Соч. Пушкина“, I, примѣчанія, стр. 56. 82. 87. 109. 148. 149. 157. 166. 224. 276. 278. 280. 281. 283. 290. 299. 310. 314. 327. 337. 340. 355. 384. 386. 390. 398. 403. 410. 411. 412. 415. 416. 417 — указанія на автографы Пушкина). Въ извѣстной степени правами автографовъ могутъ пользоваться, какъ мы замѣтили, и такіе списки, которые хотя не написаны авторомъ собственноручно, но имѣютъ на себѣ собственноручныя его поправки, хронологическія помѣтки и т. п. Къ такого рода спискамъ принадлежитъ, наприм., дошедшій до насъ, списокъ, посланія А. И. Тургеневу (1817), хранящійся въ Остафьевскомъ архивѣ гр. С. Д. Шереметева: стихотвореніе написано на отдѣльномъ листкѣ рукой писца, но съ собственноручными по мѣстамъ вставками автора; рукой же автора сдѣлана помѣтка: „8 ноября 1817“, и прибавка къ подписи: „Пушкинъ-Сверчокъ“, — вторая ея половина (первая: „Пушкинъ“, написана рукой А. И. Тургенева...)

Въ ряду рукописей болѣе поздняго времени, и бывшихъ неизвѣстными автору, во всякомъ случаѣ, неимѣющихъ на себѣ его собственноручныхъ поправокъ и помѣтокъ — наиболѣе важной по внѣшнему объему и исправности текста является сборникъ, писанный въ 1833 году и принадлежащій въ настоящее время Т. Б. Сѣмечкиной. Сборникъ носитъ заглавіе: *Духъ лицейскихъ трубадуровъ*. Академическое изданіе, пользуясь рукописью, тщательно указываетъ всѣ имѣющіеся здѣсь тексты лицейскихъ стихотвореній Пушкина („Соч. Пушкина“, I, примѣч., стр. 17. 19. 54. 56. 108. 128. 131. 136. 137. 144. 223. 224. 247. 250. 260. 277. 278. 290.

303—304. 306. 323). Несравненно ниже по внутреннему достоинству и вообще имѣть гораздо меньшее значеніе другая также сравнительно поздняя рукопись—*принадлежащая Москов. Публичному Музею, № 2395*, полученная Музеемъ, въ числѣ другихъ, въ даръ отъ сына поэта, А. А. Пушкина. Рукопись почти вся писана позднѣйшимъ писарскимъ почеркомъ конца 30-хъ гг. и заключаетъ въ себѣ копіи, чаще всего весьма неисправныя. Бѣольшая, главная часть рукописи занята, впрочемъ, не стихами, — которыхъ вообще здѣсь не много; помимо „лицейскихъ“, читаются и другія, но всѣ вообще въ спискахъ неисправныхъ. Среди неисправныхъ, писарскихъ копій — находятся вклеенными нѣсколько листовъ-автографовъ!.. Къ рукописнымъ матеріаламъ собственно лицейскихъ стихотвореній Пушкина настоящая рукопись, какъ сейчасъ замѣчено, относится лишь отчасти; не смотря на неисправности списковъ, рукописью этой приходится пользоваться, — такъ какъ для нѣкоторыхъ лицейскихъ стихотвореній имѣющіеся въ ней списки единственные, до насъ дошедшіе...

Для весьма значительной доли „лицейскихъ“ стихотвореній Пушкина, какъ мы замѣтили, рукописныхъ списковъ въ настоящее время совсѣмъ не имѣется, — хотя имѣлись еще для нѣкоторыхъ, въ самое недавнее время, были напр. въ рукахъ Анненкова Гаевского, Ефремова и другихъ, не говоря уже о редакторахъ „посмертнаго“ изданія (см. „Соч. Пушкина“, I, примѣч., стр. 54. 67. 73. 94. 96. 105. 120. 136. 164. 171. 175. 200. 202. 214. 222. 227. 229. 244. 263. 266. 308. 327. 332. 334. 337. 352. 362. 366. 371. 380—381. 382. 383. 388. 395). Первоисточниками для такихъ стихотвореній являются ихъ первопечатные тексты, тѣ ихъ печатныя редакціи, въ которыхъ эти стихотворенія впервые появлялись въ свое время въ печати, въ различныхъ современныхъ журналахъ и альманахахъ, нынѣ совершенно забытыхъ, составляющихъ чаще всего библиографическую рѣдкость. Такими изданіями являются:

Россійскій Музеумъ (1815), *Сынъ Отечества* (1815), *Съверный Наблюдатель* (1817), *Труды Общества любителей Россійской словесности* (1817—1818), *Невскій Зритель* (1820), *Соревнователь просвѣщенія и благотворенія* (1821), *Мнемозина* (1824), *Полярная Звѣзда* (1824),—наконецъ изданіе *Стихотвореній Пушкина 1826 года* (см. „Соч. Пушкина“, I, примѣч. стр. 67. 105. 120. 202. 337. 351. 362). Для нѣкоторыхъ такими первоисточниками служатъ позднѣйшіе труды нѣкоторыхъ изслѣдователей,—гдѣ впервые были обнародованы эти произведенія, различныя изданія и т. д. (ср. „Соч. Пушкина“, I, примѣч., стр. 96. 308. 332. 352 и др.).

Съ одинаковымъ вниманіемъ и тщательностью разсматриваемое изданіе относится какъ къ своимъ рукописнымъ, такъ и печатнымъ матеріаламъ и источникамъ, хотя, конечно, по самому существу дѣла, первое и наиболѣе широкое мѣсто отводится источникамъ рукописнымъ. По отношенію къ каждой пьесѣ редакторъ точно указываетъ: 1) имѣющіяся на лицо рукописи, автографы или списки, какого они достоинства, гдѣ находятся; 2) рукописи, оказавшіяся уже „недоступными“ для настоящаго изданія, неизвѣстно гдѣ находящіяся,—но которыми пользовались еще недавно издатели и изслѣдователи: Анненковъ, Гаевскій и др.; 3) рукописи, по которымъ издается стихотвореніе въ основномъ текстѣ настоящаго изданія и по которымъ приводятся варианты къ нему въ „примѣчаніяхъ“. Подобно этому, въ отношеніи къ каждой пьесѣ приводятся съ точностью указанія на тѣ печатныя изданія, въ которыхъ данное стихотвореніе появилось впервые и тексты которыхъ имѣютъ то или другое отношеніе къ исторіи текста издаваемого произведенія представляютъ какія-либо измѣненія, варианты и т. д. Изъ предшествовавшей печатной литературы отмѣчается, впрочемъ лишь то, что представляетъ прямое, фактическое значеніе,—вообще же редакторъ избѣгаетъ дѣлать излишнія библіографическія указанія, не загромаждаетъ ими своихъ „примѣчаній“. Редакторъ не считаетъ также

нужными — и вообще справедливо — указывать ошибки своих предшественников, различные невѣрности и искаженія, сдѣланныя ими въ изданіяхъ текста известной пьесы: въ этомъ случаѣ пришлось бы иногда перепечатывать очень многое... Въ отдѣльных нѣкоторыхъ случаяхъ такія указанія, впрочемъ, могли бы быть и не лишни, могли бы избавить изъ могущихъ быть недоразумѣній и неясности¹⁾.

¹⁾ Во всякомъ случаѣ, упреки сдѣланные въ этомъ отношеніе разсматриваемому изданію однимъ изъ критиковъ, кажутся намъ излишне требовательными, вообще недостаточно мотивированными, — могутъ относиться развѣ къ отдѣльнымъ, совершенно единичнымъ фактамъ, да и здѣсь въ значительной степени условны. Разумѣемъ статью г. Якушкина въ „Рус. Вѣдом.“, 1899, № 242. Авторъ статьи въ примѣчаніяхъ разсматриваемаго изданія, „въ нѣкоторыхъ, немногихъ, правда, мѣстахъ“, видитъ „недостаточно полную ссылку на рукопись, которою пользуются“... При всемъ вниманіи къ вариантамъ, — „иногда варианты эти не приводятся безъ объясненія причины; тогда даже при неимѣніи подлинника, одна копія признается настолько авторитетной, что варианты другихъ опускаются. Здѣсь сказывается какая то непослѣдовательность: признается за одной копіей авторитетъ, устраняющій интересъ другихъ копій, иногда какъ въ другихъ случаяхъ даже наличность подлинника не устраняетъ варианты изъ копій. Во всякомъ случаѣ, дѣло требовало бы большей мотивировки“... Намъ кажется, что именно самые упреки высказываемые здѣсь, для научнаго изданія весьма серьезные, требовали бы „большей мотивировки“. „Примѣры“, на которые ссылается г. Якушкинъ въ подтвержденіе своихъ упрековъ, или совершенно единичны и исключительны, и слѣд., уже по этому самому не могутъ быть „примѣрами“, или условны... Такъ, въ доказательство того, что изданіемъ недостаточно точно и полно указывается рукопись, которою пользуется — „примѣръ“ указывается на стр. 270; примѣръ, на сколько мы просмотрѣли изданіе — *единственный*... Въ доказательство того, что „иногда варианты не приводятся“ — „примѣръ“ указывается въ примѣчаніи къ пьесѣ: *Я видѣлъ смерть*, на стр. 299—303. Въ примѣчаніи къ этой пьесѣ дѣйствительно не приведены варианты одного изъ списка пьесы; но „погрѣшность“ эта въ данномъ случаѣ

Необыкновенная тщательность разсматриваемаго изданія въ отношеніи пользованія печатными и рукописными первоисточниками — наглядно обнаруживается приводимыми въ примѣчаніяхъ вариантами къ основному тексту. Академическое изданіе отводитъ вариантамъ самое широкое у себя мѣсто; изученіе рукописей идетъ здѣсь рука объ руку съ изученіемъ печатныхъ текстовъ, взаимно дополняясь одно другимъ. Передъ нами — подробная исторія текста каждой пьесы, на сколько эта исторія можетъ быть представлена имѣющимися на лицо матеріалами, рукописными и печатными, — исторія всѣхъ, иногда незначительныхъ, измѣненій въ текстѣ пьесы, произведенныхъ авторомъ, — или посторонней рукой... Масса приводимыхъ вариантовъ — помимо непосредственнаго значенія для исторіи текста — представляетъ глубокий научный интересъ въ другомъ отношеніи: приводимые варианты нерѣдко раскрываютъ передъ нами вну-

весьма относительна: списокъ, о которомъ идетъ рѣчь, не какой либо новый, еще неизвѣстный въ наукѣ, — варианты этого списка уже напечатаны. Относительно третьяго пункта, что „одна копія признается на столько авторитетной, что варианты другихъ опускаются“, — подтвердительный „примѣръ“ указывается на стр. 22, въ примѣчаніи къ пьесѣ: „Къ сестрѣ“. „Примѣръ“ этотъ прежде всего и самъ по себѣ кажется *единственнымъ*; съ другой стороны, и какъ таковой, онъ значительно теряетъ свою убѣдительность, если обратиться къ подробностямъ. Названное стихотвореніе дошло въ нѣсколькихъ спискахъ, — при чемъ всѣ эти списки имѣютъ, повидимому, одно происхожденіе, отъ сестры поэта О. С. Павлищевой; „копія“, признанная изданіемъ „на столько авторитетной, что варианты другихъ опускаются“, — является дѣйствительно въ данномъ случаѣ весьма авторитетной: копія эта — автографъ О. С. Павлищевой, сестры поэта, къ которой написано и самое стихотвореніе. Помимо того, что, какъ сейчасъ замѣчено, всѣ остальные списки ведутъ свое происхожденіе отъ нея же, — самые эти другіе списки также уже изданы... Отмѣчаемъ тѣ „примѣры“, которые приводятся въ статьѣ г. Якушкина; другихъ не указывается..

тренний процесс творчества поэта, представляють ростъ его поэтическаго таланта. Въ то же время это нерѣдкое разнообразіе, часто множество вариантовъ, эти безчисленные иногда поправки и пометки въ оригиналахъ, по массѣ своей иногда неподдающіяся прочтенію, — свидѣлствуютъ о взглядахъ поэта на свои литературныя произведенія, говорятъ о необыкновенной строгости и требовательности поэта къ себѣ, какъ къ писателю¹⁾.

¹⁾ Впрочемъ, позднѣйшія разысканія требуютъ относительно этого нѣкоторыхъ оговорокъ: разумѣемъ позднѣйшія изслѣдованія проф. Е. Θ. Корша, помѣщенные въ „Извѣстіяхъ II Отд. Имп. Ак. Н.“ (т. III, 1898, кн. 3; т. IV, 1899, кн. 1 и 2), — замѣчательныя по своей документальности и фактическому богатству его статьи, посвященныя разбору вопроса о подлинности „окончанія“ *Русалки* Пушкина... Не касаясь самой сущности статей — соображеній автора и приводимыхъ имъ доказательствъ подлинности названнаго „окончанія“ — не можемъ не отмѣтить здѣсь самаго приѣма, употребленнаго изслѣдователемъ для рѣшенія вопроса, и чрезвычайно цѣнныхъ замѣчаній его о характерѣ и особенностяхъ вообще такъ наз. „Пушкинскаго стиха“. Вопросъ о подлинности найденнаго „окончанія“ проф. Коршъ рѣшаетъ не на основаніи эстетической оцѣнки тѣхъ или другихъ мѣстъ, отдѣльныхъ стиховъ этого „окончанія“, — оцѣнки, „основанной на личномъ вкусѣ каждаго критика, не всегда, конечно, совпадающемъ со вкусомъ самого Пушкина“ — а на основаніи фактическаго сравненія найденныхъ отрывковъ съ общеизвѣстными, „безспорно подлинными“ произведеніями Пушкина. Замѣчательныя подробность и обстоятельность изученія изслѣдователемъ этихъ „безспорно подлинныхъ“ произведеній Пушкина въ стилистическомъ отношеніи, и вообще со стороны языка и стиха; трудъ проф. Корша является въ этомъ отношеніи крупнымъ приобрѣтеніемъ не только по данному частному вопросу, но и для всей вообще литературы нашей по изученію Пушкина, какъ писателя. Совершенно новыя выводы почтеннаго изслѣдователя... Многочисленными фактическими цитатами изъ „безспорно подлинныхъ“ произведеній нашего великаго поэта изслѣдователь доказываетъ, что „приемы у Пушкина не вездѣ безукоризненны“, — что „у Пушкина есть стихи какъ будто не „Пушкинскіе“, — что въ различныхъ произведеніяхъ Пушкина можно, при желаніи

Имѣющійся на лицо рукописный матеріалъ даже въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ, — открываетъ передъ нами сложную и продолжительную работу великаго поэта

набрать немало такихъ стиховъ, „не пушкинскихъ“, — что поэтъ нерѣдко какъ бы намѣренно пренебрегаетъ отдѣлкой стиха и довольствуется плохой римой. Небрежность поэта проявляется иногда не только въ произведеніяхъ собственно стихотворныхъ, но и въ прозаическихъ... Исслѣдователь ставитъ общій вопросъ: Точно-ли Пушкинъ даетъ вообще лишь совершенное?... Длинные ряды цитатъ изъ подлинныхъ произведеній Пушкина наглядно доказываютъ, что у Пушкина не только „риемы не вездѣ безукоризненны“, но и въ самомъ построеніи и распредѣленіи рима встрѣчаются „случаи неправильности“, даже случаи прямой „небрежности“, — и при томъ даже въ такихъ произведеніяхъ, какъ напр. *Полтава*... Въ языкѣ Пушкина нерѣдко встрѣтить галлицизмы, — не только въ произведеніяхъ равныхъ, лицейскихъ, но и въ *Полтавѣ*, въ *Борисѣ Годуновѣ*... Есть „погрѣшности“ противъ языка и помимо галлицизмовъ: есть ошибки, основанныя на синтаксическихъ недоразумѣніяхъ, неправильности въ этимологическихъ формахъ; чрезвычайно странно употребленіе напр. настоящаго-будущаго, — или своеобразное употребленіе нѣкоторыхъ словъ, не только въ отдѣльныхъ примѣрахъ, но и постоянное, и т. д. и т. д. (См. „Извѣстія II Отд. И. Ак. Н.“, т. III, кн. 3, стр. 650—665. 674, 697—703. 705. 708—710. 711. 713—721). „Что Пушкинъ „работалъ“ надъ своими произведеніями, выглаживая ихъ и нещадно бракуя лишнее, извѣстно до такой степени — замѣчаетъ исслѣдователь — что стало общимъ мѣстомъ, а дурная сторона общаго мѣста состоитъ въ томъ, что мы произносимъ его, не сознавая точно его смысла... Что Пушкинъ „работалъ“ надъ своими произведеніями, — это вѣрно, но работалъ не какъ работникъ, а какъ поэтъ, т. е. писалъ и усовершенствовалъ написанное лишь до тѣхъ поръ, пока дѣло шло легко и его занимало; если же оно надоѣдало ему, онъ его просто бросалъ, иногда лишь на время, но подъ-часъ — и на всегда, чему свидѣтельствомъ служатъ многочисленные отрывки и неоконченныя произведенія“... („Извѣстія“, III, стр. 674. 689). „Цѣль всего этого экскурса о формальномъ несовершенствѣ произведеній Пушкина, заключается въ концѣ исслѣдователь, — состоитъ не въ униженіи его

надъ своими произведеніями, огромность авторскаго труда, вложеннаго потомъ въ свои произведенія. Не говоримъ о другихъ иногда цѣнныхъ указаніяхъ, которыя даются рукописями. „Рукописи поэта свидѣтельствуютъ, замѣчаетъ акад. Майковъ, что не смотря на краткость его жизни, трудъ его, какъ писателя, былъ огроменъ, очень тщателенъ и сложенъ. Нерѣдко созданіе различныхъ произведеній шло у Пушкина одновременно, и притомъ каждое изъ нихъ неразъ передѣлывалось и подвергалось внимательной обработкѣ. Къ пьесѣ, давно задуманной, Пушкинъ возвращался много лѣтъ спустя, такъ сказать, переливалъ ее въ новую форму, и лишь послѣ такого заботливаго труда она получала тотъ легкій видъ и свободный складъ, который кажется намъ проявленіемъ внезапнаго вдохновенія. Случайныя замѣтки, разбросанныя по рукописямъ Пушкина, нерѣдко указываютъ первоначальные мотивы его творчества; выписки изъ книгъ даютъ понятіе объ объемѣ и характерѣ его чтенія; наконецъ, разсѣянные по тетрадямъ числовыя помѣты помогаютъ опредѣлить хронологію его произведеній“... (предисл. къ акад. изд., стр. VII).

Чтобы видѣть всю широту пользованія со стороны настоящаго академическаго изданія рукописными, а также печатными матеріалами, всю значительность и сложность критической работы, произведенной редакторомъ для установленія „правильнаго“ Пушкинскаго текста, читаемаго въ основномъ текстѣ изданія, — чтобы видѣть взаим-

достоинствъ, не подлежащихъ ни малѣйшему спору, а лишь въ томъ, чтобы показать, что, несмотря на гениальность и необыкновенный вкусъ Пушкина и вопреки легендѣ о художественной законченности всего, выпущеннаго имъ въ свѣтъ, его напечатанныя произведенія, по той или по другой причинѣ, хотя бы только съ формальной стороны не всегда совершенны, и потому при изслѣдованіи подлинности приписываемыхъ ему сочиненій нельзя пользоваться въ качествѣ мѣрила оцѣнкой съ точки срѣнія совершенства...“ („Извѣстія“, ib., стр. 682).

ныя научныя достоинства по отношенію къ возстановленію передъ читателемъ внутренней исторіи издаваемого основнаго текста лучшихъ, имѣющихся на лицо, нашихъ изданій Пушкина, и всѣ преимущества здѣсь разсматриваемаго академическаго изданія, — считаемъ не лишнимъ остановиться на сравнительномъ разсмотрѣніи дошедшихъ текстовъ нѣкоторыхъ лицейскихъ стихотвореній, какъ эти тексты представлены лучшими, имѣющимися на лицо, изданіями. Нѣкоторыя подробности въ этомъ отношеніи не только покажутъ все разнообразіе и богатство дошедшихъ текстовъ, — но отчасти введутъ насъ какъ бы въ самую лабораторію знаменитаго „Пушкинскаго стиха“, — въ то же время дадутъ намъ наглядныя, фактическія показанія касательно сравнительнаго достоинства важнѣйшихъ наличныхъ изданій Пушкина, и въ частности изданія академическаго — въ отношеніи степени тщательности и обстоятельности пользованія основными первоисточниками.

Беремъ стихотворенія въ хронологическомъ порядкѣ ихъ первоначальнаго написанія; останавливаемся на тѣхъ, тексты которыхъ наиболѣе богато представлены дошедшимъ до насъ рукописнымъ матеріаломъ.

I. *Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ* (1814). Стихотвореніе напечатано было въ „Россійскомъ Музеумѣ“ 1815 года; кромѣ этой первопечатной редакціи, въ дошедшихъ рукописяхъ имѣется еще двѣ другія редакціи, болѣе раннія, сохранившіяся въ автографахъ. Изъ этихъ двухъ редакцій, одна — „первоначальная, но уже въ отдѣланномъ видѣ, и потому съ немногими пометками“; текстъ другого автографа содержитъ въ себѣ „редакцію еще разъ переработанную, — именно ту, въ какой пьеса была читана Пушкинымъ въ присутствіи Державина, на публичномъ экзаменѣ въ Лицеѣ, 8 января 1815 года“. Упомянутый напечатанный текстъ „Россійскаго Музеума“ является уже третьей и послѣдней редакціей. Какъ извѣстно, стихотвореніе не было внесено поэтомъ въ изданіе 1826 года; въ рукописи, по

которой дѣлалось это изданіе, пьеса, по свидѣтельству Анненкова (II, 97), „зачеркнута“. Въ послѣдующихъ изданіяхъ пьеса воспроизводилась по первопечатному тексту „Россійскаго Музеума“, безъ упоминанія о другихъ редакціяхъ; никакихъ варіантовъ къ общеизвѣстому первопечатному тексту не приводится и въ изданіи Литературнаго Фонда, — гдѣ не указывается и вообще никакихъ рукописей пьесы. Подробныя указанія на дошедшія рукописи пьесы, на представляемыя ими редакціи, съ приведеніемъ текстовъ самыхъ варіантовъ различныхъ редакцій пьесы — все это мы впервые видимъ лишь въ настоящемъ академическомъ изданіи. Нѣкоторые изъ варіантовъ не безынтересны для исторіи русскаго стиха, и вообще нашего стихотворнаго языка (см. акад. изд., I, примѣч., стр. 87—94).

II. *Бова* (1815). Въ бывшихъ до сихъ поръ изданіяхъ Пушкина никакихъ рукописей не указывалось по отношенію къ этому отрывку (впервые онъ былъ напечатанъ въ „по-смертномъ изданіи“); самый текстъ отрывка до самаго послѣдняго времени не былъ извѣстенъ сполна, какъ онъ читается въ дошедшей рукописи: и въ изданіи г. Ефремова и въ изданіи Литературнаго Фонда отрывокъ напечатанъ съ значительными пропусками, не отмѣченными даже точками. Въ имѣющейся на лицо рукописи (Москов. Публ. Музея, № 2395), бывшей въ распоряженіи у редактора изданія Литературнаго Фонда, этихъ пропусковъ нѣтъ. Пропущенные почему то г. Морозовымъ стихи позднѣе были напечатаны проф. Незеленовымъ, и настоящимъ изданіемъ впервые вносятся въ собраніе сочиненій Пушкина, провѣренныя по указанной рук. Музея. По справедливому замѣчанію Незеленова, пропущенные стихи — „драгоцѣнны для біографіи Пушкина, какъ новое свидѣтельство объ увлеченіи нашего поэта въ ранней юности беллетристическими произведеніями Вольтера“... Кромѣ внесенія пропускавшихся прежними изданіями стиховъ, академическое изданіе, по новому отырывшемуся автогра-

фу пьесы, отмѣчаетъ другую, болѣе раннюю редакцію этого произведенія, — съ вариантами, отчасти не лишними также автобіографическаго значенія (акад. изд., I, примѣч., стр. 97—105. 412).

III. *Старикъ* (1815). Кромѣ обычной редакціи, въ которой стихотвореніе это было напечатано самимъ Пушкинымъ въ изданіи 1826 года, и въ которой помѣщалось потомъ во всѣхъ изданіяхъ его сочиненій, — еще Анненковымъ указана была другая, болѣе ранняя, его редакція, въ которой оно первоначально было напечатано въ „Россійскомъ Музеумѣ“ 1815 года; Анненковымъ былъ изданъ въ примѣчаніяхъ и самый текстъ этой редакціи (II, 94—95). Послѣдняя была помѣщена въ примѣчаніяхъ и г. Ефремовымъ (I, 472—473). Изданіе Литературнаго Фонда въ подлежащемъ мѣстѣ не только не приводитъ этой редакціи, но и не упоминаетъ о ней, и лишь VII томъ перепечатываетъ ее въ „дополнительныхъ примѣчаніяхъ“ (изъ изданія г. Ефремова?). Между тѣмъ эта первопечатная редакція является весьма любопытной не только потому, что она болѣе ранняя, но и потому, что поправки, въ ней сдѣланныя, принадлежали, повидимому, посторонней рукѣ... (Акад. изд., I, примѣч., стр. 112—113).

IV. *Гробъ Анакреона* (1815). Во всѣхъ изданіяхъ, а равно и въ настоящемъ академическомъ, пьеса читается въ основномъ текстѣ въ той редакціи, какъ она была напечатана самимъ авторомъ въ изданіи 1826 года. Но уже Анненковымъ было указано, что въ изданіи 1826 года стихотвореніе это читается не въ томъ видѣ, какъ оно было напечатано первоначально — въ „Трудахъ Общества любителей россійской словесности при Моск. Университетѣ“, за 1818 годъ: по замѣчанію Анненкова, сравнительно съ первопечатнымъ текстомъ „Трудовъ“, въ изданіи 1826 года стихотвореніе напечатано было „съ такими поправками, что они дали совершенно другой видъ всей пьесѣ“ (II, 95. sqq). Въ примѣчаніяхъ Анненковъ

приводить отрывки первоначальной редакціи въ „Трудахъ“. Варіанты этой первопечатной редакціи приводятся и въ изданіи г. Ефремова (I, 475—476), а отсюда и г. Морозовымъ (въ „дополнит. примѣч.“ къ VII-му тому). Академическое изданіе въ отношеніи къ данному стихотворенію съ особымъ вниманіемъ сосредоточивается на изученіи дошедшаго до насъ его списка (въ рук. Моск. Рум. Музея, № 2364), писаннаго лицейскимъ товарищемъ Пушкина, Иличевскимъ, на редакціи, въ какой является въ этомъ спискѣ названная пьеса, и на тѣхъ поправкахъ, которыя позднѣе (вѣроятно, около 1825 года) сдѣланы здѣсь авторомъ и потомъ внесены имъ въ изданіе 1826 года: изданіе подмѣчаетъ тотъ любопытный фактъ, что пьеса была напечатана въ „Трудахъ“ хотя и въ той же редакціи, въ какой читается въ указанномъ спискѣ, но „до внесенія въ нее выше упомянутыхъ поправокъ“, и съ нѣсколькими измѣненіями, которыя однако не были внесены въ изданіе 1826 года. Это послѣднее обстоятельство справедливо даетъ акад. Майкову основаніе заключать, что „означенныя измѣненія принадлежать не автору“.. Акад. Майковъ предполагаетъ, что они сдѣланы дядей поэта, В. Л. Пушкинымъ, которымъ разсматриваемое стихотвореніе было читано въ засѣданіи Общества въ февралѣ 1817-го года (какъ сообщается объ этомъ въ протоколахъ Общества)... Лишь благодаря тщательному сличенію тройнаго текста, произведенному академическимъ изданіемъ, возможно было открыть эту любопытную страницку изъ исторіи текста Пушкинскихъ произведеній (акад. изд., I, стр. 114—120).

V. *Лицинію* (1815). Обычный текстъ пьесы данъ собственнымъ изданіемъ Пушкина 1826 года, — въ этой редакціи стихотвореніе обыкновенно и помѣщалось въ изданіяхъ Пушкинскихъ сочиненій Анненкова, Ефремова, Литературнаго Фонда; эту редакцію даетъ и настоящее изданіе (I, стр. 114—116). Но еще Анненковымъ было замѣчено, что при помѣщеніи пьесы въ

изданіе 1826 года поэтъ, „такъ сказать, обновилъ ее, передѣлавъ отъ начала до конца“, сравнительно съ тѣмъ видомъ, какъ она была написана имъ ранѣе и какъ была напечатана первоначально въ „Росс. Музеумѣ“ 1815 года. А нненковымъ было приведено въ примѣчаніяхъ нѣсколько вариантовъ этой первопечатной редакціи (II, 97—99). Варианты ея были указаны и отчасти приведены и въ изданіи г. Ефремова (I, 471—472). Въ изданіи Литературнаго Фонда мы не находимъ никакихъ подобныхъ указаній, — г. Морозовъ почему-то въ данномъ случаѣ игнорируетъ и примѣчанія г. Ефремова, не упоминаетъ о приведенныхъ тамъ вариантахъ, а равно и вообще о какой либо „первоначальной“ редакціи даннаго стихотворенія, всецѣло ограничиваясь простой перепечаткой его извѣстнаго текста. Приводимые подробно въ академическомъ изданіи варианты первоначальной, изданной въ „Рос. Музеумѣ“, редакціи стихотворенія наглядно показываютъ всю важность этой редакціи и всю значительность сдѣланныхъ въ ней позднѣе поэтомъ измѣненій: первоначальная редакція дѣйствительно была передѣлана „отъ начала до конца“ (акад. изд., I, примѣч., стр. 120—122)... Читатель изданія Литературнаго Фонда остается относительно этого въ совершенномъ невѣдѣніи.

VI. *Слеза* (1815). Стихотвореніе впервые было напечатано въ альманахѣ „Мнемозина“, 1824 г.; согласно съ этимъ первопечатнымъ текстомъ оно потомъ перепечатывалось во всѣхъ позднѣйшихъ изданіяхъ, — у Анненкова, Ефремова и въ изданіи Литературнаго Фонда. Въ изданіе 1826 года пьеса не была внесена авторомъ. Въ основномъ текстѣ настоящаго академическаго изданія стихотвореніе читается въ редакціи, значительно отличающейся отъ редакціи, помѣщенной въ „Мнемозинѣ“. Академ. изданіе впервые обратилось къ болѣе внимательному изученію рукописей стихотворенія, совсѣмъ не указывавшихся къ предшествовавшимъ изданіямъ, и въ примѣчаніяхъ къ основному тексту даетъ исторію текста разсматриваемой пьесы. Оказывается, что редакція, напечатан-

ная въ „Мнемозинѣ“ и досихъ поръ воспроизводившаяся во всѣхъ изданіяхъ Пушкина — лишь наиболѣе ранняя редакція; въ дошедшихъ до насъ рукописяхъ имѣется и эта редакція (въ собраніи акад. Грота), но здѣсь же имѣется и другая, болѣе поздняя, переписанная рукой одного изъ ближайшихъ лицейскихъ товарищей Пушкина, Иличевскаго, съ позднѣйшими авторскими поправками (рук. Моск. Публ. Музея, № 2364). Эта позднѣйшая редакція и помѣщена въ основномъ текстѣ акад. изданія. Важнѣйшее отличіе болѣе поздней редакціи отъ болѣе ранней, первопечатной, заключается между прочимъ въ пропускъ цѣлой строфы, зачеркнутой авторомъ, — рядомъ съ другими исправленіями. Изданіе подробно указываетъ имѣющіяся на лицо рукописи и взаимныя отношенія ихъ текстовъ (I, примѣч., стр. 131—134)... Ни указаній на рукописи пьесы, ни вниманія къ развитію ея текста мы не находимъ въ изданіи Литературнаго Фонда, а равно и въ другихъ, болѣе раннихъ, изданіяхъ.

VII. *Къ Дельвигу* (1815). Изданіе Литературнаго Фонда напечатало тотъ же самый текстъ пьесы, который былъ данъ изданіемъ г. Ефремова (I, 96—98), и который нѣсколькими стихами полнѣе изданнаго у Анненкова) II, 49—51), и въ посмертномъ изданіи 1838—1841 гг. (гдѣ стихотвореніе было напечатано впервые); въ примѣчаніяхъ своихъ г. Ефремовъ поясняетъ, что прибавленные стихи, недостающіе у Анненкова и въ посмертномъ изданіи, внесены „по подлинной рукописи поэта, хранящейся въ Александровскомъ Лицеѣ (I, 474)... Никакихъ поясненій нѣтъ въ изданіи Литературнаго Фонда, — нѣтъ ни малѣйшихъ упоминаній и вообще о рукописныхъ редакціяхъ стихотворенія (I, 88—90). Академическое изданіе впервые излагаетъ довольно длинную исторію текста этого стихотворенія, насколько она обнаруживается дошедшими до насъ рукописями, — и въ основномъ текстѣ даетъ для него редакцію совершенно отличную отъ той, въ какой оно обыкновенно до сихъ поръ печаталось.... Разсматриваемое посланіе къ Дель-

вигу въ настоящее время имѣется въ трехъ рукописяхъ; изъ нихъ одна — автографъ (упомянутая выше рукопись Александровскаго Музея, которою впервые воспользовался г. Ефремовъ), другая — списокъ неизвѣстной руки, но съ поправками самого автора (рук. Моск. Публ. Музея, № 2364), третья — позднѣйшій списокъ конца 30-хъ гг. „При сличеніи трехъ названныхъ рукописныхъ текстовъ между собою обнаруживается, что рассматриваемое стихотвореніе подвергалось неоднократнымъ передѣлкамъ и воспроизводилось въ спискахъ, значительно разнившихся одинъ отъ другого“. По выводамъ изслѣдователя, акад. Майкова, наиболѣе раннюю редакцію представляетъ автографъ; наиболѣе позднюю — текстъ, заключающій въ себѣ поправки автора (рук. № 2364). Текстъ той же рукописи до авторскихъ исправленій и текстъ позднѣйшей рукописи 30-хъ гг. представляютъ собой редакціи какъ бы промежуточные, и между собой несходныя. Существенное отличіе двухъ названныхъ крайнихъ редакцій состоитъ въ томъ, что „въ самой ранней всего пространнѣе первая половина стихотворенія, а въ позднѣйшей — вторая его половина. Редакціи промежуточные въ этомъ отношеніи приближаются къ позднѣйшей“... Такимъ образомъ печатавшаяся до сихъ поръ всѣми изданіями сочиненій Пушкина редакція названнаго стихотворенія — редакція лишь первоначальная, болѣе ранняя; тотъ видъ стихотворенія, какъ оно позднѣе было измѣнено авторомъ, дается впервые настоящимъ изданіемъ академическимъ, — вмѣстѣ съ подробнымъ указаніемъ самыхъ рукописей и ихъ взаимныхъ отношеній по тексту. Достаточно самаго бѣлаго сопоставленія двухъ крайнихъ редакцій, чтобы видѣть, что передъ нами какъ бы два совершенно различныхъ стихотворенія (ср. акад. изд., I, стр. 136—138; примѣч., стр. 158—160).

VIII. *Мое записаніе друзьямъ* (1815). Стихотвореніе впервые явилось въ печати въ посмертномъ изданіи 1838—1841 гг., и дошло до насъ въ трехъ рукописяхъ; изъ нихъ одна — автографъ (въ собраніи акад. Грота),

другая писана рукой Илличевского, лицейскаго товарища Пушкина, и снабжена, вмѣстѣ съ хронологической помѣткой „1815“, позднѣйшими поправками автора (рук. Моск. Публ. Музея № 2364); третья — писарскаго почерка конца 30-хъ гг. Списки по тексту довольно несходные. Редакція автографа начинается тремя стихами, которые затѣмъ здѣсь же зачеркнуты, и которыхъ совсѣмъ нѣтъ въ списокѣ Илличевского; въ томъ же автографѣ далѣе читаются еще вставные стихи, находящіеся и въ списокѣ Илличевского, но здѣсь зачеркнутые; нѣкоторые стихи, читавшіеся первоначально одинаково и въ автографѣ и въ списокѣ Илличевского, — въ списокѣ Илличевского значительно измѣнены позднѣйшими собственноручными поправками автора. По мнѣнію акад. Майкова, эти поправки автора, читаемые въ списокѣ Илличевского, и въ данномъ случаѣ, какъ и относительно большей части другихъ лицейскихъ пьесъ, принадлежали къ 1825 году, когда поэтѣмъ приготавливалось первое отдѣльное изданіе его стихотвореній, — и были уже вторичными, сравнительно съ тѣми, болѣе ранними, измѣненіями въ пьесѣ, какія сдѣланы были поэтѣмъ въ болѣе ранней редакціи, находящейся въ Гротовскомъ автографѣ, слѣды которыхъ прослѣдываютъ въ списокѣ Илличевского, и которыя могли относиться къ періоду 1815—1817 гг., когда Илличевскій съ этими измѣненіями вписалъ разсматриваемое стихотвореніе въ рукопись 1817-го г. (№ 2364). Поэтъ однако не былъ повидимому доволенъ ни этими, ни позднѣйшими своими поправками, и стихотвореніе не было внесено въ изданіе 1826 года, а равно не было напечатано и раньше, въ болѣе ранніе годы, въ какомъ либо журналѣ 1815—1817 гг.. когда поэтъ печаталъ свои произведенія съ меньшей осмотрительностью, — „между тѣмъ, справедливо замѣчаетъ акад. Майковъ, настойчивость, съ какою поэтъ неоднократно принимался за его переработку, можетъ служить доказательствомъ тому, что онъ придавалъ разсматриваемому „стихотворенію нѣкоторое значеніе“... Въ до сихъ поръ бывшихъ изданіяхъ сочи-

неній Пушкина текстъ стихотворенія носилъ неустановившійся случайный характеръ: въ посмертномъ изданіи оно было напечатано въ редакціи списка Илличевского (рук. Музея № 2364), но безъ внесенія позднѣйшихъ поправокъ автора; въ томъ же видѣ стихотвореніе было повторено въ изданіи Анненкова, — впрочемъ здѣсь важнѣйшія изъ авторскихъ поправокъ указываются въ примѣчаніяхъ (II, 65—67; 92—93). Важнѣйшія измѣненія пьесы по автографу Грота были указаны въ изданіи г. Ефремова, повторившемъ основной текстъ Анненковскаго изданія, но нѣсколько исправленный. Въ изданіи Литературнаго Фонда текстъ разсматриваемой пьесы читается въ редакціи какой то смѣшанной, невыдержанной: отчасти онъ выправленъ по музейной рукописи № 2364, т. е. въ него отчасти внесены читаемыя въ этой рукописи позднѣйшія поправки автора; отчасти здѣсь же удерживаются тѣ добавочные стихи, которые читаются въ первоначальной редакціи пьесы, въ Гротовскомъ автографѣ, и которые въ позднѣйшей редакціи или совсѣмъ невписаны или зачеркнуты авторомъ... Излишне прибавлять, что никакихъ поясненій къ печатаемому тексту въ изданіи Литературнаго Фонда не имѣется, а равно и упоминаній о какихъ либо рукописяхъ или вариантахъ... Текстъ стихотворенія, въ томъ видѣ, какъ онъ вышелъ изъ позднѣйшихъ поправокъ автора, впервые съ строгой послѣдовательностью возстановляется лишь въ настоящемъ академическомъ изданіи, гдѣ впервые дается и подробное изложеніе исторіи текста, на сколько она можетъ быть прослѣжена по имѣющимся на лицо рукописямъ.

IX. *Моему Аристарху* (1815). Стихотвореніе это въ изданіи Литературнаго Фонда впервые, сравнительно съ предшествовавшими изданіями, явилось въ полномъ видѣ, съ добавленіемъ тѣхъ стиховъ, которые были пропущены въ изданіяхъ Анненкова и г. Ефремова; но и здѣсь текстъ стихотворенія не вполне, не со всею точностью, возстановляется по соотвѣтствующей оригинальной рукописи (Моск. Публ. Музея, № 2364). На

текстѣ, даваемомъ изданіемъ, замѣтны слѣды вліянія прежняго текста Ефремовскаго, — ср. напр. по акад. изданію стихи 11, 21; также на стр. 108, послѣ стиха 64, не смотря на внесеніе въ текстъ недостававшихъ стиховъ, пропущенныхъ въ изданіи г. Ефремова и которые были указаны г. Якушкинымъ и выписаны имъ въ его описаніи Пушкинскихъ рукописей (Рус. Старина, 1884), — въ изданіи Литературнаго Фонда осталось многоточіе Ефремовскаго изданія, означавшее тамъ этотъ пропускъ... Никакихъ варіантовъ, а также и указаній на самыя рукописи, въ изданіи Литературнаго Фонда, конечно, тоже не находимъ. Между тѣмъ эти варіанты довольно любопытны, — какъ это видимъ изъ настоящаго академическаго изданія, которое впервые со всею должною строгостью возстановляетъ передъ нами и подлинный, какъ онъ былъ позднѣе выправленъ авторомъ, текстъ разсматриваемаго стихотворенія (I, стр. 153—156; примѣч., стр. 179—181).

X. *Заздравный Кубокъ* (1816). Сравнительно съ прежними, болѣе ранними изданіями, текстъ стихотворенія въ изданіи Литературнаго Фонда данъ болѣе выправленный, но все же не вполне соответствуетъ позднѣйшему, исправленному авторомъ тексту, — какъ послѣдній читается въ оригинальной рукописи (№ 2364), гдѣ стихотвореніе писано рукой Иличевскаго и имѣетъ собственноручныя поправки Пушкина. Эта позднѣйшая редакція со всею точностью возстановляется лишь въ изданіи академическомъ; здѣсь подробно указываются и самыя рукописи стихотворенія, имѣющіяся на лицо, а также приводятся варіанты, — сообщеніе чего считается совершенно лишнимъ въ изданіи Литературнаго Фонда...

XI. *Напѣвники* (1816). Стихотвореніе въ настоящее время имѣется въ двухъ спискахъ, хранящихся въ Моск. Музеѣ: одинъ изъ нихъ имѣетъ на себѣ собственноручныя поправки Пушкина (рук. № 2364), другой — писарскаго почерка конца 30-хъ гг., воспроизводитъ основной текстъ перваго, но безъ вниманія къ этимъ авторскимъ поправкамъ. Кромѣ имѣющихся на лицо, предше-

ствовавшими изслѣдователями было указано на существованіе еще двухъ списковъ той же пьесы (сохранились ли эти списки, неизвѣстно): одинъ былъ въ рукахъ Е. И. Якушкина, другой у Анненкова; Якушкинскій, при общемъ сходствѣ съ основнымъ музейнымъ текстомъ, представлялъ лишь небольшое число самостоятельныхъ вариантовъ (Библиогр. Зап., 1858); въ Анненковскомъ списокѣ напротивъ пьеса являлась въ новой редакціи, исправленной сравнительно съ первоначальною редакціей, сохраненною музейными рукописями... Впервые стихотвореніе было напечатано въ посмертномъ изданіи, въ редакціи, тождественной съ текстомъ музейныхъ рукописей, но съ добавленіемъ, въ концѣ, восьми стиховъ, не встрѣчающихся „ни въ одномъ изъ упомянутыхъ выше списковъ и едва ли принадлежащихъ Пушкину“. Тотъ же текстъ повторяли и всѣ послѣдующія изданія, — тотъ же текстъ въ общемъ повторяетъ и изданіе Литературнаго Фонда, съ нѣкоторыми лишь поправками по списку рукописи № 2364, не самыми однако существенными: послѣдніе восемь стиховъ, напр., удерживаются... Между тѣмъ уже Анненковъ, въ примѣчаніяхъ къ данному имъ тексту, сдѣлалъ подробныя указанія на существованіе другой, позднѣйшей редакціи разсматриваемаго стихотворенія, — найденной имъ въ рукописи, которая служила оригиналомъ для изданія 1826 года. По свидѣтельству Анненкова, пьеса читалась тамъ въ совершенно новомъ видѣ: помимо нѣкоторыхъ отдѣльныхъ болѣе мелкихъ измѣненій въ текстѣ, — въ этой редакціи нѣтъ не только послѣднихъ восьми стиховъ, но нѣтъ и первыхъ шестнадцати... Настоящее академическое изданіе въ основномъ текстѣ впервые воспроизводитъ эту позднѣйшую, выправленную окончательно самимъ поэтомъ редакцію, указывая въ примѣчаніяхъ подробно взаимныя отношенія другихъ названныхъ списковъ. Все это совершенно неизвѣстно для изданія Литературнаго Фонда: оно не даетъ никакихъ указаній ни на редакціи, ни на списки; къ печатаемому имъ тексту не приводится ни-

какихъ вариантовъ, — весь рукописный матеріалъ пьесы, на сколько онъ сохранился на лицо и какъ дается въ трудахъ прежнихъ изслѣдователей, оставляется безъ вниманія. Въ примѣчаніи къ пьесѣ лишь замѣчается для чего-то: „послѣднихъ восьми стиховъ нѣтъ въ рукописи Рум. Музея“ (I, 129), — какъ будто въ какихъ нибудь другихъ рукописяхъ, которыми располагаетъ изданіе, эти 8 стиховъ есть...

XII. *Унынїе* (1816). Пьеса имѣется теперь въ двухъ спискахъ (хранятся въ Моск. Публ. Музеѣ): въ одномъ изъ нихъ (рук. № 2364) текстъ имѣетъ на себѣ многія собственноручныя авторскія поправки, хронологическую помѣтку: „1816“ и другое заглавіе: „Разлука“; другой списокъ — позднѣйшаго писарскаго почерка, безъ всякаго заглавія. По свидѣтельству Анненкова, въ рукописи, съ которой дѣлалось изданіе 1826 года, названная пьеса носила заглавіе „Унынїе“, — и по своему тексту представляла „совсѣмъ другую пьесу“, столь значительно эта позднѣйшая ея редакція разнилась отъ первоначальной, читаемой въ двухъ названныхъ выше спискахъ, и имѣющей въ одной изъ нихъ дату 1816 года. Въ своемъ изданіи Анненковъ обѣ эти редакціи помѣстилъ рядомъ, какъ двѣ совершенно самостоятельныя пьесы (II, 137—139). Въ изданіи г. Ефремова первоначальная, болѣе ранняя редакція, помѣщена въ текстѣ, а позднѣйшая отнесена въ примѣчанія (I, 147—148; 480—481). Примѣру этому слѣдуетъ и изданіе Литературнаго Фонда (I, 141—142), также въ основномъ текстѣ помѣщая редакцію болѣе раннюю, а въ примѣчаніи — ея „передѣлку“, и дѣлая такимъ образомъ у себя одно изъ болѣе чѣмъ рѣдкихъ исключеній: помѣщая къ основному тексту „вариантъ“ (о самыхъ рукописяхъ никакихъ свѣдѣній не приводится)... Академическое изданіе въ данномъ случаѣ поступаетъ на оборотъ: въ основномъ текстѣ даетъ позднѣйшую редакцію пьесы, какъ она читалась выправленная авторомъ въ рукописи изданія 1826 года, — излагая въ примѣча-

ніяхъ подробную исторію видоизмѣненія текста этой пьесы.

XIII. *Элегія (Я видѣлъ смерть, 1816)*. Стихотвореніе дошло въ двухъ спискахъ-автографахъ, — одинъ изъ нихъ находится въ рук. Моск. Публ. Музея № 2364, другой — въ тетради, принадлежавшей гр. П. И. Капнисту; первый изъ нихъ имѣетъ хронологическую дату „1816“, сдѣланную авторомъ. Кромѣ двухъ названныхъ автографовъ, два списка этого стихотворенія извѣстны были Е. Я. Якушкину, — одинъ изъ нихъ находился въ сборникѣ 20-хъ гг. и носилъ заглавіе: „Прощаніе“. Наконецъ, пятый списокъ былъ подъ руками Анненкова, — встрѣченъ былъ имъ въ тетради, по которой печаталось изданіе 1826 года; по этой рукописи стихотвореніе было и издано Анненковымъ (II, 139). Тексты названныхъ списковъ далеко не сходны по своимъ редакціямъ. Первый изъ названныхъ автографовъ, находящійся въ Музеѣ (рук. № 2364), содержитъ въ себѣ наиболѣе раннюю редакцію стихотворенія — испещренную однако тутъ же многочисленными пометками и поправками; та же редакція читается и въ обѣихъ рукописяхъ извѣстныхъ г. Якушкину, впрочемъ, уже со включеніемъ нѣкоторыхъ поправокъ въ текстъ; напротивъ того, второй изъ автографовъ, находящійся въ рукописи гр. Капниста, и видѣнная Анненковымъ тетрадь изданія 1826 года содержатъ въ себѣ элегію въ совершенно передѣланномъ видѣ... Пьеса была впервые напечатана Анненковымъ; въ изданіи г. Ефремова въ основномъ текстѣ читается редакція Анненковского изданія, — въ примѣчаніяхъ же приводятся весьма разныя отъ этого текста двѣ редакціи упомянутыхъ двухъ списковъ г. Якушкина (I, 156 — 157. 482 — 483). Въ изданіи Литературнаго Фонда въ основномъ текстѣ помѣщена почемуто одна изъ этихъ редакцій г. Якушкина, — и затѣмъ всѣ остальные редакціи, въ томъ числѣ и принятая въ основныхъ текстахъ изданій Анненкова и Ефремова, признаются какъ бы несуществующими: ни въ текстѣ ни въ примѣчаніяхъ не дѣлается

никакихъ упоминаній ни о редакціяхъ этихъ ни вообще о спискахъ и рукописяхъ пьесы... Изданіе произвольно ограничивается одною изъ первоначальныхъ редакцій,—оставляя въ сторонѣ редакцію позднѣйшую, сравнительно съ начальной совершенно передѣланную... Академическое изданіе именно эту послѣднюю и помѣщаетъ въ свой основной текстъ,—представляя въ примѣчаніяхъ анализъ остальныхъ (I, 226; примѣч., стр. 299—303). Изданіе сполна помѣщаетъ здѣсь остававшійся доселѣ неизданнымъ текстъ музейнаго автографа (№ 2364). Текстъ этотъ наглядно показываетъ, какъ велико различіе между начальной редакціей и позднѣйшей.

XIV. *Друзьямъ* (1816). Стихотвореніе дошло въ трехъ рукописныхъ текстахъ, — изъ нихъ два писаны самимъ авторомъ (въ рук. Моск. Публ. Музея, № 2364 и въ тетради гр. П. И. Капниста), при чемъ одинъ автографъ имѣетъ дату „1816“ (рук. № 2364); третій — писарскій списокъ конца 30-хъ гг. (рук. Моск. Публ. Музея, № 2395). Совершенно особая редакція, сравнительно съ этими рукописными текстами, дается печатнымъ текстомъ стихотворенія въ изданіи 1826 года. По свидѣтельству И. П. Хрущова, стихотвореніе кромѣ того находилось въ „Лицейскомъ Сборникѣ“ 1817-го года, принадлежавшемъ одному изъ лицейскихъ товарищей Пушкина, Матюшкину; наконецъ еще въ особомъ спискѣ было извѣстно г. Ефремову, которымъ было въ этой редакціи и издано (Библ. Зап., 1861). Музейный автографъ (№ 2364), а также позднѣйшій Музейный списокъ (№ 2395) содержатъ въ себѣ первоначальную редакцію стихотворенія, — при чемъ въ автографѣ имѣется нѣсколько болѣе позднихъ поправокъ. Одну изъ раннихъ редакцій представляетъ и текстъ списка, изданнаго г. Ефремовымъ. Позднѣйшая редакція стихотворенія, какъ мы замѣтили, дана авторомъ въ сборникѣ стихотвореній, имъ самимъ изданномъ. Первоначальная редакція сравнительно съ позднѣйшей болѣе чѣмъ вдвое длиннѣе: въ позднѣйшей первые 8-мь стиховъ совсѣмъ от-

брошены, остальные 4 изменены, — неприкосновенными оставлены лишь послѣдніе 4 стиха. Въ рукописи гр. Капниста текстъ стихотворенія уже вполне сходенъ съ текстомъ, окончательно установленнымъ для изданія 1826 года; но стиху, которымъ начинается этотъ послѣдній текстъ, сперва предполагалось предпослать еще 4 строки изъ редакціи первоначальной, которыя тутъ и написаны, однако потомъ зачеркнуты авторомъ. Что касается текста, изданнаго г. Ефремовымъ, онъ сравнительно съ позднѣйшей редакціей представляетъ въ началѣ 16-ть новыхъ дополнительныхъ стиховъ, за которыми безъ измененія слѣдуетъ текстъ позднѣйшей редакціи. По мнѣнію акад. Майкова, эти 16-ть стиховъ принадлежатъ къ числу „самыхъ первоначальныхъ черновыхъ набросковъ“, и были устранены авторомъ подобно тому, какъ при окончательной обработкѣ онъ отбросилъ и первые 8-мъ стиховъ редакціи 1816-го года. Въ изданіи Анненкова обѣ редакціи, первоначальная и позднѣйшая, помѣщены въ основномъ текстѣ, рядомъ, какъ двѣ самостоятельныя пьесы (II, 140 — 141); въ изданіи г. Ефремова въ основномъ текстѣ оставлена лишь позднѣйшая редакція; первоначальная отнесена въ примѣчанія, гдѣ приводится и третья редакція, ранѣе изданная г. Ефремовымъ по особому списку. Изданіе Литературнаго Фонда сначала, въ I т., ограничилось первыми двумя, — при чемъ, какъ и въ изданіи г. Ефремова, позднѣйшая редакція была помѣщена въ основномъ текстѣ, первоначальная въ примѣчаніяхъ; но потомъ, въ дополненіяхъ къ VII тому, перепечатало и третью, первоначально изданную г. Ефремовымъ въ „Библ. Зап“. О рукописяхъ пьесы, существующихъ на лицо и бывшихъ прежде извѣстными, о взаимныхъ отношеніяхъ ихъ редакцій — никакихъ замѣчаній, конечно, не дѣлается... Академическое изданіе въ своемъ основномъ текстѣ даетъ текстъ редакціи позднѣйшей, — какъ пьеса читается въ изданіи 1826 года; примѣчанія представляютъ подробный анализъ взаимнаго отношенія различныхъ дошедшихъ до насъ редакцій пьесы, — результаты кото-

раго изложены нами выше... Исторія текста разсматриваемой пьесы особенно любопытна. Последовательный ходъ передѣлокъ и сокращеній, которымъ Пушкинъ подвергалъ это стихотвореніе, неоднократно обращалъ на себя вниманіе критики, и еще Бѣлинскій указалъ на блестящіе результаты этой переработки. По выраженіи Бѣлинскаго, „изъ безобразнаго куска мрамора вышла прелестная статуетка“!.. Въ отношеніи содержанія, любопытно отмѣтить тотъ фактъ, говоритъ акад. Майковъ, что при переработкѣ Пушкинъ старался ослабить оттѣнокъ грусти, преобладавшій въ начальныхъ наброскахъ, — безъ сомнѣнія въ виду его слишкомъ субъективнаго характера...

XV. *Надпись къ портрету П. Я. Чаадаева* (№ 17). Надпись впервые появилась въ нашей печати въ статьѣ Жихарева, въ „Вѣстникѣ Европы“, 1871 г. Въ собраніе сочиненій Пушкина внесена изданіемъ г. Ефремова, но — не въ редакціи, данной Жихаревымъ; въ примѣчаніяхъ приводятся варианты другой редакціи (I, 184; 494). Изданіе Литературнаго Фонда, ограничивается приведеніемъ лишь основного Ефремовскаго текста, не упоминая о вариантахъ. Между тѣмъ, ни основной текстъ Ефремовскаго изданія, ни приведенный въ немъ вариантъ не даютъ точнаго текста надписи, — какъ она приведена въ упомянутой статьѣ Жихарева, въ своемъ единственномъ первоисточникѣ. Академическое изданіе воспроизводитъ именно эту редакцію.

XVI. *Къ П. П. Каверину* (1817). Посланіе дошло въ четырехъ спискахъ, изъ которыхъ три — автографы; дошедшіе тексты главнымъ образомъ представляютъ двѣ редакціи, наиболѣе раннюю и позднѣйшую, — при чемъ списки первой представляютъ въ свою очередь нѣкоторые отличія, рядъ вариантовъ и т. п. Впервые посланіе было напечатано по окончательной редакціи въ „Моск. Вѣстникѣ“ 1828 года; но вскорѣ было повторено въ одномъ изъ альманаховъ безъ вѣдома и согласія автора, и въ первоначальной редакціи. Въ посмертномъ из-

даніи и въ послѣдующихъ была восстановлена редакція, напечатанная въ „Моск. Вѣстникѣ“, хотя въ различныхъ изданіяхъ редакція эта печаталась съ различными измѣненіями. Въ изданіи г. Ефремова, въ примѣчаніяхъ, приводится и текстъ первоначальной редакціи, по списку г. Явужкина; упоминается также о „подлинной рукописи“ стихотворенія, исправленной поэтомъ и хранящейся у гр. Капниста, по которой г. Ефремовымъ внесены въ текстъ „небольшія поправки“ (I, 177; 491 — 492). Изданіе Литературнаго Фонда сначала, въ I томѣ, ограничилось перепечаткой лишь основного Ефремовскаго текста; позднѣе, въ дополненіяхъ къ VII тому, перепечатало и первоначальную редакцію. Никакихъ свѣдѣній о рукописяхъ пьесы не сообщается. Точныя свѣдѣнія о послѣднихъ, а равно и характеристику самыхъ редакцій мы впервые находимъ въ изданіи академическомъ (I, примѣч., стр. 355 — 358), которое въ основномъ текстѣ воспроизводитъ въ точности редакцію „Московского Вѣстника“, какъ единственную, которая была напечатана при жизни поэта съ его разрѣшенія.

XVII. *Дельвигу* (1817). Посланіе имѣется въ двухъ весьма различныхъ редакціяхъ; одна — въ двухъ дошедшихъ рукописныхъ спискахъ, другая — въ печатномъ текстѣ изданія 1826 года: при печатаніи пьесы въ первомъ собраніи своихъ стихотвореній, поэтъ подвергъ первоначальный текстъ ея совершенной передѣлкѣ... Какъ двѣ отдѣльныя и самостоятельныя пьесы, Анненковъ помѣстилъ обѣ редакціи, и первоначальную и позднѣйшую, въ основномъ текстѣ своего изданія (II, 161 — 162. 162 — 163), съ слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Предоставляемъ читателямъ образецъ передѣлки лицейскихъ стихотвореній самимъ Пушкинымъ и вмѣстѣ разницы, какая существуетъ у него между первымъ выраженіемъ мысли и послѣдующей обдѣланной формой ея. Пьеса „Блаженъ, кто съ юныхъ лѣтъ“ (упомянутая выше первоначальная редакція) есть грубый очеркъ другой пьесы, слѣдующей за ней: „Любовью, дружествомъ и лѣнью“

(позднѣйшая редакція), — которая уже является стихотвореніемъ вполне законченнымъ и прекраснымъ. Въ этомъ видѣ она была помѣщена въ изданіи стихотвореній 1826 года... Пьесы — дѣлаютъ по этому поводу общее замѣчаніе Анненковъ — выбранныя авторомъ для изданія, уже совсѣмъ не „лицейскія“ и объ нихъ понятія не даютъ“... (II, 184). Въ изданіи г. Ефремова въ основномъ текстѣ помѣщена редакція позднѣйшая, по изданію 1826 года, въ примѣчаніяхъ — первоначальная (I, 171 — 172; 489 — 491). Такъ же поступаетъ и изданіе Академическое. Въ изданіи Литературнаго Фонда въ основномъ текстѣ, въ I томѣ, читается лишь редакція изданія 1826 года, безъ всякаго упоминанія о другой, столь отличной отъ нея, редакціи первоначальной, — послѣдняя перепечатывается однако въ дополнительныхъ примѣчаніяхъ къ VII тому...

Какъ мы отчасти уже имѣли случай выше замѣтить, — поправки и измѣненія въ текстѣ произведеній Пушкина принадлежали не всегда только автору. Не говоримъ здѣсь о цензурѣ (по отношенію къ лицейскимъ стихотвореніямъ, изданнымъ въ разсматриваемомъ академическомъ изданіи, вліяніе цензуры почти не сказывается, — ограничивается однимъ-двумя стихами); измѣненія иногда дѣлались и вполне дружественной рукой... Академическому изданію въ этомъ отношеніи принадлежитъ особенно важная заслуга: оно впервые со всѣмъ должнымъ вниманіемъ и полной фактической точностью поставило на видъ эту сторону въ текстѣ произведеній Пушкина. Въ нѣкоторыхъ изъ изданныхъ лицейскихъ стихотвореній слѣды „посторонней руки“ сказываются весьма ощутительно, — и иногда удерживались въ печатавшихся текстахъ до самаго послѣдняго времени... Академическое изданіе впервые выдѣлило изъ Пушкинскаго текста эту постороннюю примѣсь. Въ ряду лицейскихъ стихотвореній особенно любопытными въ этомъ отношеніи являются стихотворенія *Гробъ Анакреона* (1816) и *Безвѣріе* (1817). Останавливаемся лишь на послѣднемъ.

Стихотвореніе *Безъпріе* дошло до насъ въ двухъ рукописяхъ Моск. Публ. Музея, — въ спискѣ, переписанномъ самимъ авторомъ, съ его же собственноручными позднѣйшими поправками (рук. № 2364), и въ позднѣйшемъ писарскомъ спискѣ конца 30-хъ гг. (рук. № 2395). Особый списокъ пьесы былъ извѣстенъ Е. И. Якушкину. Впервые стихотвореніе было напечатано въ „Трудахъ Общества любителей россійской словесности при Московскомъ университетѣ“, въ 1817 году, и въ томъ же видѣ повторено въ посмертномъ изданіи 1838 — 1841 гг., въ изданіи Анненкова, съ исправленіемъ нѣкоторыхъ мелкихъ неточностей посмертнаго изданія (II, 172—174; 185—186), и въ изданіи г. Ефремова, съ приведеніемъ нѣсколькихъ варіантовъ по упомянутому списку г. Якушкина (I, 175 — 177; 491). Изданіе Литературнаго Фонда снова повторило текстъ, данный „Трудами“, — съ нѣсколькими лишь исправленіями по музейному автографу (№ 2364), однако далеко не всѣми, безъ всякаго, наприим., вниманія къ позднѣйшимъ поправкамъ автора, сдѣланнымъ въ той же рукописи... Въ настоящемъ Академическомъ изданіи текстъ „Трудовъ“, столь долго удерживавшійся въ изданіяхъ сочиненій Пушкина, совершенно отстраненъ, — и пьеса впервые дана въ подлинномъ видѣ, какъ была написана и позднѣе исправлена авторомъ, съ удаленіемъ изъ ея текста всѣхъ измѣненій, съ какими она была напечатана въ „Трудахъ“, и которыя не принадлежали автору... Тщательное изученіе различныхъ сохранившихся рукописныхъ текстовъ пьесы дало возможность Академическому изданію на данной пьесѣ съ особой наглядностью вскрыть наносный посторонній слой, — „цѣлый рядъ отличій, которыя не могутъ принадлежать автору, и которыя, по совершенно основательному предположенію акад. Майкова, должны быть приписаны В. Л. Пушкину. Ни первоначальный текстъ пьесы въ рукописи № 2364, ни позднѣйшія въ ней измѣненія не соотвѣтствуютъ тексту „Трудовъ“. Изданіе подробно указываетъ эти из-

мѣненія, сдѣланныя въ текстѣ пьесы при ея печатаніи посторонней рукою, — справедливо находя ихъ очень характерными. Оказывается, что „посторонній передѣлыватель то измѣнялъ смыслъ автора, то портилъ стихи въ техническомъ отношеніи“... Впрочемъ, прибавляетъ изслѣдователь, „нѣкоторыя измѣненія передѣлывателя послужили для автора небезполезнымъ указаніемъ“ (Акад. изд., I, стр. 393 — 394).

Весьма важную научную заслугу настоящаго академическаго изданія составляетъ также его забота объ установленіи болѣе точной и строгой хронологіи Пушкинскихъ произведеній, — указаніе всѣхъ относящихся сюда и имѣющихся на лицо данныхъ.

Хронологія Пушкинскихъ произведеній — говоримъ о лицейскихъ стихотвореніяхъ — до сихъ поръ покоилась какъ бы преимущественно на авторитетѣ издателей; академическое изданіе впервые точно указываетъ тѣ основанія, которыя имѣются относительно этого въ дошедшемъ до насъ рукописномъ матеріалѣ и которыми приходится здѣсь руководствоваться изслѣдователю.

Основаніями для хронологическаго распредѣленія изданныхъ стихотвореній для академическаго изданія служили. —

а) *Рукопись стихотвореній Пушкина 1817 года*, неразъ упоминавшаяся нами и о которой мы подробно выше говорили, — Моск. Публ. Музея, № 2364, съ многочисленными собственноручными, при стихотвореніяхъ, датами автора;

б) *Лицейскій Сборникъ 1817 года*, также упоминавшійся нами выше, принадлежавшій Матюшкину;

в) *Изданіе 1826 года*, имѣющее при нѣкоторыхъ пьесахъ хронологическія даты;

г) время перваго появленія издаваемаго стихотворенія въ печати, въ современныхъ журналахъ, — 1814 и 1815 гг.;

д) свидѣтельство лицейскихъ товарищей Пушкина,

И. И. Пущина, барона М. А. Корфа, Д. А. Илличевского, — или самого автора;

е) собственные личныя соображенія и разысканія редактора изданія, акад. Л. Н. Майкова.

Важнѣйшимъ источникомъ и основаніемъ являются, конечно, упомянутыя собственноручныя хронологическія помѣтки автора — въ рук. Моск. Публ. Музея, № 2364 (въ упоминавшемся выше описаніи рукописей Пушкина, сдѣланномъ г. Якушкинымъ, они уже были обнародованы). Помѣтки такія находятся въ названной рукописи при слѣдующихъ пьесахъ: *Пирующіе студенты* („1814“), *Красавица, которая нюхала табакъ* („1814“), *Наполеонъ на Эльбѣ* („1815“), *Гробъ Анакреона* („1815“), *Слеза* („1815“), *Къ живописцу* („1815“), *Посланіе къ Юдину* („1815“), *Къ Дельвиу* („1815“), *Мое завѣщаніе друзьямъ* („1815“), *Моему Аристарху* („1815“), *Сраженный Рыцарь* („1815“), *Амуръ и Гименей* („1816“), *Фіалъ Анакреона* („1816“), *Посланіе Лидѣ* („1816“), *Заздравный Кубокъ* („1816“), *Истина* („1816“), *Наѣзники* („1816“), *Окно* („1816“), *Къ Морфею* („1816“), *Пробужденіе* („1816“), *Мѣсяцъ* („1816“), *Уныніе* („1816“), *Пѣвецъ* („1816“), *Элегія. Я видѣлъ смерть* („1816“), *Элегія. Счастливъ, кто въ страсти* („1816“), *Осеннее утро* („1816“), *Друзьямъ* („1816“), *Элегія. Я думалъ, что любовь ушла навсегда* („1816“), *Слова милой* („1816“), *Къ молодой вдовѣ* („1816“), *Къ П. П. Каверину* („1817“), *Стансы* („1817“), *Письмо къ Лидѣ* („1817“), *Въ альбомъ А. Н. Зубову* („1817“), *Разлука* („1817“), *Товарищамъ* („1817“), *Простите вѣрныя дубравы* („1 сентября 1817“), *Е. С. Огаревой* („1817“), *А. И. Тургеневу* („8 ноября 1817“), *Къ **** („27 ноября 1817“), *Н. Н. Кривцову* („1817, дек.“). На основаніи этихъ, имѣющихся въ самой рукописи помѣтъ, перечисленныя пьесы и отнесены редакторомъ академическаго изданія соотвѣтственно къ 1814-му, 1815-му, 1816-му и 1817-му годамъ. Большая часть этихъ пьесъ и въ болѣе раннихъ изданіяхъ, преимущественно слѣдуя изда-

нію Анненкова, относилась къ тѣмъ же годамъ, — безъ указанія однако наличныхъ основаній къ этому; другія изъ нихъ, напротивъ, относились иногда въ этихъ изданіяхъ къ другимъ годамъ, — опять безъ указанія основаній къ этому и, какъ видимъ теперь, вопреки точнымъ помѣткамъ самого автора. Стихотвореніе напр. *Моему Аристарху*, имѣющее, какъ мы видѣли, точную дату (1815), Анненковымъ было отнесено къ 1816 году; Ефремовымъ, на основаніи соображеній Гаевского, къ 1817-му; Морозовымъ, безъ указанія основанія, но, очевидно, въ виду рукописной помѣтки, къ 1815-му году. Стихотвореніе *Слеза*, 1815-го г., — гг. Ефремовымъ и Морозовымъ отнесено къ 1816-му г.; *Фіалъ Анакреона*, 1816-го г., Анненковымъ, Ефремовымъ и Морозовымъ отнесено было къ 1815 году; стихотвореніе *Къ молодой вдовѣ*, 1816-го года, Анненковъ отнесъ къ 1817 году, г. Ефремовъ къ 1816 г.; Морозовъ, не указывая на причины, къ 1817-му. Пьеса *Къ ****, 1817-го года, г. Морозовымъ почему то отнесена къ 1819-му г.; посланіе *Н. И. Кривцову*, 1817-го года, Анненковымъ отнесено къ 1819 г., а по его примѣру, къ этому же году отнесено въ изданіяхъ гг. Ефремова и Литературнаго Фонда и т. д. Всѣ эти и подобныя произвольныя предположенія и догадки въ хронологіи устраняются теперь указаніями на фактическія данныя, имѣющіяся въ рукописяхъ. Стихотворенія: *Сновидѣніе*, *Въ альбомѣ Илличевскому* и *Портретъ* академическое изданіе помѣщаетъ въ ряду стихотвореній 1817-го года, — въ виду помѣщенія ихъ въ „Лицейскомъ Сборникѣ“ Матюшкина 1817-го года и неимѣнія относительно времени ихъ написанія другихъ, болѣе точныхъ, данныхъ; относительно пьесы *Портретъ* акад. Майковъ высказываетъ впрочемъ предположеніе, что едва ли она не была написана ранѣе... Въ изданіи Анненкова пьеса *Въ альбомѣ Илличевскому* была помѣщена въ отдѣлѣ лицейскихъ стихотвореній „неизвѣстныхъ годовъ“... Стихотворенія *Лицинію* (1815), *А. А. Шишкину* (1816),

Торжество Вакха (1817), *Дельвигу* (1817), *Послание В. Л. Пушкину* (1817) къ указаннымъ годамъ относятся изданіемъ 1826 года; къ тѣмъ же годамъ они отнесены и настоящимъ академическимъ изданіемъ, а равно и предшествовавшими изданіями Анненкова, Ефремова и Литературнаго Фонда. Для стихотвореній: *Къ другу-стихотворцу* (1814), *Кольна* (1814), *Старикъ* (1815), *Батюшкову* (1815), *Вода и вино* (1815), *Моя эпитафія* (1815), *Къ А. И. Галичу* (1815), второе посланіе къ А. И. Галичу (1815), эпиграммы: *Бывало прежнихъ лѣтъ герой* (1815) — хронологическимъ показателемъ является время появленія ихъ въ печати въ журналахъ 1814—1815 гг.; къ указаннымъ годамъ, въ виду этого, они отнесены и въ академическомъ изданіи, равно какъ и въ прежнихъ изданіяхъ Анненкова, Ефремова и Литературнаго Фонда. Для нѣкоторыхъ лицейскихъ произведеній Пушкина время написанія опредѣляется показаніями лицейскихъ товарищей Пушкина — Пушина, бар. Корфа, Илличевскаго — или тѣми или другими показаніями самого автора, случайными замѣтками, встрѣчаемыми въ его бумагахъ; таковы пьесы: *Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ* (1814), *Къ И. И. Пушину* (1815), *Мечтатель* (1815), *Усы*, (1816), *Къ Баболовскому дворицу* (1817), *Взглянувъ когда нибудь на тайный сей листокъ* (1817), *Безвѣріе* (1817), — на основаніи чего академическимъ изданіемъ и относятся къ указаннымъ годамъ (см. акад. изд., I, примѣч., стр. 89. 149. 203. 226. 396—397). Наконецъ, какъ уже замѣчено, время появленія нѣкоторыхъ изъ издаваемыхъ лицейскихъ стихотвореній опредѣляется въ разсматриваемомъ изданіи собственными болѣе или менѣе спеціальными разысканіями и соображеніями редактора акад. Майкова; такія соображенія дѣлаются относительно пьесъ: *Бова* (1815), *Наполеонъ на Эльбѣ* (1815), *На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа въ 1815 году* (1815), *Желаніе* (1816), *Послание къ А. М. Горчакову* (1816), *Любовь одна — веселье жизни холодной* (1816),

Наслаждение (1816), *Къ Наталь* (1816), эпиграммы на *Пучкову* (1816), посланія *Къ Жуковскому* (1817), *Къ Бакуниной* (1817), *Къ портрету Чаадаева* (1817), *Къ портрету Каверина* (1817)¹⁾. По отношеніи ко всѣмъ остальнымъ пьесамъ, въ виду отсутствія какихъ либо точныхъ данныхъ для ихъ хронологіи — въ распредѣленіи ихъ по годамъ академическое изданіе слѣдуетъ мнѣніямъ своихъ предшественниковъ, Анненкова и г. Ефремова, а также Гаевского. Хронологическому распредѣленію Анненковскаго изданія академическое изданіе слѣдуетъ по отношенію къ пьесамъ: *Къ сестрѣ* (1814), *Венеръ отъ Лаисы* (1814), *Блаженство* (1814), *Къ Ломоносову* (1814), *Романъ* (1814), *Роза* (1815), *Къ Батюшкову* (1815), *Фавнъ и Пастушка* (1816), *Сонъ* (1816), *Къ ней* (1816), *Элегія. Опять я вѣишъ* (1816), *Добрый совѣтъ* (1817), *Краевъ чужихъ неопытный любитель* (1817). Авторитетъ Анненковской хронологіи основывается на внимательномъ и непосредственномъ изученіи Анненковымъ подлинныхъ рукописей поэта. Не находя въ этихъ матеріалахъ никакихъ основаній для распредѣленія по опредѣленнымъ годамъ цѣлаго ряда лицейскихъ стихотвореній, Анненковъ всѣ такія произведенія отнесъ въ особую группу „неизвѣстныхъ годовъ“. Въ изданіи г. Ефремова многія изъ этихъ произведеній являются уже приуроченными къ тѣмъ или другимъ годамъ, — безъ указанія, впрочемъ, основаній для такого приуроченія. Академическое изданіе по отношенію къ этимъ пьесамъ слѣдуетъ изданію г. Ефремова. Такъ стихотворенія: *Леда*, *Къ Наталь*, *Къ молодой актрисѣ*, *Mon portrait*, *На гр. А. К. Разумовскаго*, *Несчастье Климата*, *Эпиграмма на поэму кн. С. А. Ширинскаго-Шихматова*, *Погребъ*, *Кн. А. М. Горчакову*, *Къ письму*, *На смерть стихотворца*, *Скажи, что новаго*, *Добрый че-*

¹⁾ Акад. изд. „Соч. Пушкина“, I, примѣч., стр. 93. 105 — 106. 128 — 129. 215. 270 — 271. 279. 306 — 307. 338 — 339. 342 — 343. 351. 352 — 353. 355.

ловѣхъ, *Именины* и нѣкр. др., отнесенныя въ изданіи Анненкова къ группѣ лицейскихъ стихотвореній „неизвѣстныхъ годовъ“, — академическимъ изданіемъ приурочиваются къ тѣмъ же годамъ, къ которымъ они отнесены въ изданіи г. Ефремова. Въ одномъ-двухъ случаяхъ, гдѣ хронологія Ефремовскаго изданія расходится въ Анненковскихъ изданіяхъ, или, въ сущности, является лишь болѣе послѣдовательною, — академич. изданіе справедливо соглашается съ изданіемъ Ефремова; разумѣемъ двѣ эпиграммы: *Супругою твоей* и *Аристѣ намъ общалъ*, — отнесенныя въ академ. изданіи, какъ и у г. Ефремова, къ 1814 году, а не къ 1815, какъ въ изданіи Анненкова, — хотя и послѣдній въ примѣчаніяхъ прибавляетъ, что они „принадлежатъ еще къ 1814 году“ (II, стр. 92). Въ одномъ-двухъ случаяхъ академическое изданіе, безъ указанія причинъ, отступаетъ въ хронологіи отъ своихъ предшественниковъ; такъ пьеса *Казакъ*, отнесенная въ изданіяхъ Анненкова и Ефремова къ 1815 году, въ академическомъ изданіи помѣщена въ ряду стихотвореній 1814-го года... Весьма важнымъ пособіемъ, при опредѣленіи хронологіи нѣкоторыхъ лицейскихъ стихотвореній, служитъ извѣстная статья Гаевскаго (въ „Современникѣ“, 1863, іюль, стр. 129—177; августъ, стр. 349 — 399); академическое изданіе (какъ и изданіе г. Ефремова) слѣдуетъ хронологическимъ соображеніямъ этой статьи въ отношеніи къ стихотвореніямъ: *Пѣсня* (1812), *Делія* (1812), *Измѣны* (1812), *Эвлеа* (1814), *Оскаръ* (1814), *Воспоминаніе* (1815), *Пушкиная Пѣсня* (1816), *Гимнъ* (1816). Въ изданіи Анненкова всѣ эти пьесы, за исключеніемъ пьесы *Измѣны*, отнесены въ упомянутый отдѣлъ стихотвореній „неизвѣстныхъ годовъ“; стихотвореніе *Измѣны* Анненковъ отнесъ къ 1815 году. Стихотвореніе *Фавнъ и Пастушка* академическое изданіе, согласно съ Анненковскимъ, относитъ къ 1816-му году (Анненковъ ссылался въ этомъ случаѣ на помѣтку пьесы 1816-мъ годомъ „въ тетради М. А. Корфа“); но акад. Майковъ

признаетъ основательность и соображеній Гаевскаго, приурочивавшаго пьесу къ періоду болѣе раннему, къ 1814—1815 гг., замѣчая однако, что въ виду авторитетности Корфова свидѣтельства предположеніе Гаевскаго „моглобы быть принято лишь въ томъ случаѣ, если бы оно было подкрѣплено болѣе осязательными надежными доказательствами“...

Изданіе Литературнаго Фонда не оказываетъ, съ своей стороны, большой помощи академическому изданію въ хронологическомъ распредѣленіи лицейскихъ пьесъ, — такъ какъ въ этомъ отношеніи, какъ было уже нами замѣчено, всецѣло слѣдуетъ изданію г. Ефремова, за двумя-тремя исключеніями (говоримъ собственно о лицейскихъ стихотвореніяхъ), и здѣсь не вполнѣ удачными. Такъ пьеса *Къ **** въ изданіи г. Ефремова отнесена къ 1817-му году, — къ этому же году она отнесена въ изданіи Анненкова и въ настоящемъ академическомъ; въ изданіи Литературнаго Фонда стихотвореніе приурочивается къ 1819-му году, — въ виду имѣющейся приписки внизу листа: „1819. 8 mars. Я человекъ не свободный“... Но эта хронологическая дата, очевидно, относится къ замѣчанію: „Я человекъ несвободный“, при которыхъ стоитъ, — а не къ стихотворенію, на верху котораго точно означено: „27 ноября 1817“... Другая пьеса *Къ молодой вдовѣ* изданіемъ Литературнаго Фонда, безъ указанія причинъ, относится къ 1817-му году, — вопреки изданію г. Ефремова, въ которомъ отнесена къ 1816-му году, и какъ видимъ изъ настоящаго академическаго изданія, собственноручной, имѣющейся на рукописи, авторской даты: „1816“¹⁾...

¹⁾ Очень мало мотивированными кажутся намъ и здѣсь, въ отношеніи къ хронологіи изданныхъ пьесъ, упреки г. Якушкина разсматриваемому изданію. Въ упомянутой статьѣ его между прочимъ читаемъ: „При опредѣленіи хронологіи Пушкинскихъ пьесъ нерѣдко академическое изданіе руководствуется примѣромъ изданій, редактированныхъ П. А. Ефремовымъ, иногда съ особою оговоркою...; но иногда академическое изданіе

Какъ было уже замѣчено нами, „примѣчанія“ въ разсматриваемомъ изданіи составляютъ одну изъ существенныхъ его сторонъ. Помимо подробныхъ указаній на относящійся къ той или другой пьесѣ рукописный и печатный матеріалъ, помимо полного приведенія относящихся сюда вариантовъ и вообще по возможности болѣе или менѣе подробнаго изложенія исторіи текста издаваемой пьесы, помимо указаній и соображеній хронологическихъ и т. п., — чрезвычайно цѣнной стороной этихъ примѣчаній являются обширные заключающіеся въ нихъ историко-литературные комментаріи, и вообще разнаго рода историческія и бытовыя поясненія къ издаваемому основному тексту. Историко-литературныя поясненія и комментаріи, даваемые примѣчаніями, подробно и всесторонне выясняютъ разнообразныя точки соприкосновенія

ставило себя здѣсь, кажется, въ чрезмѣрную зависимость“... Въ подтвержденіе сказаннаго приводится два „примѣра“, — изъ которыхъ чрезмѣрную „зависимость“ долженъ подтверждать собственно послѣдній, хронологія извѣстнаго стихотворенія *Къ Жуковскому*. Время составленія этого посланія редакторомъ академическаго изданія, на основаніи собственныхъ изысканій, дѣлаемыхъ въ примѣчаніи, относится „къ срединѣ 1817-го года“, — между тѣмъ въ текстѣ изданія посланіе помѣщено въ самомъ началѣ 1817-го года... Не можемъ не согласиться съ г. Якушкинымъ, что это не совсѣмъ послѣдовательно; но едва ли здѣсь не простой типографскій недосмотръ, — дѣло можетъ быть исправлено очень легко... Какъ бы то ни было, однако и этотъ „примѣръ“ не подтверждаетъ, намъ кажется, того, въ подтвержденіе чего приведенъ. Если ужъ говорить о зависимости, то „примѣръ“ скорѣе говоритъ о зависимости отъ изданія Анненкова, но не отъ Ефремова: именно у Анненкова данная пьеса помѣщена также первой въ ряду стихотвореній 1817-го года, — въ изданіи же г. Ефремова второй... Другихъ „примѣровъ“ г. Якушкинымъ не приводится. Вышеприводимыя подробныя указанія касательно хронологическаго распредѣленія академическимъ изданіемъ лицейскихъ пьесъ Пушкина, намъ кажется, фактически доказываютъ полную самостоятельность въ этомъ вопросѣ разсматриваемаго изданія.

„лицейских“ стихотворений Пушкина съ обстоятельствами личной жизни поэта, съ господствовавшими въ его время у насъ и на западѣ литературными теченіями, нерѣдко со всею современной поэту эпохой, — и тѣмъ самымъ указываютъ важное историко-литературное значеніе издаваемыхъ произведеній. Комментаріи прежде всего выясняютъ чрезвычайно важное значеніе этихъ произведеній нашего великаго писателя — въ смыслѣ біографическаго матеріала. Лицейскія стихотворенія Пушкина нерѣдко дѣйствительно являются „записками о юности Пушкина“, — какъ выразился о нихъ одинъ изъ нашихъ критиковъ 40 — 50 гг. Въ этихъ стихотвореніяхъ дѣйствительно чрезвычайно много личнаго, автобіографическаго. Передъ нами — цѣлый рядъ мелкихъ автобіографическихъ фактовъ и указаній, множество подробностей, требующихъ поясненія, и въ свою очередь очень многое поясняющихъ въ жизни поэта и въ исторіи его поэтическаго творчества... Комментаріи, приводимые въ разсматриваемомъ изданіи къ тексту той или другой пьесы, нерѣдко по своей обстоятельности являются какъ бы отрывками біографіи поэта. Въ нихъ находимъ чрезвычайно цѣнный матеріалъ для всесторонняго изученія первыхъ лѣтъ жизни поэта и его поэтической дѣятельности, — той обстановки, внѣшней и внутренней, въ которой росъ и развивался въ первые годы поэтической талантъ будущаго великаго писателя; мы видимъ здѣсь ближайшихъ товарищей и друзей поэта-лицейста, его профессоровъ, характеръ научныхъ занятій въ Лицеѣ, довольно значительное развитіе среди лицейстовъ литературныхъ интересовъ, разнообразіе и въ извѣстной степени, обширность ихъ чтенія, общій болѣе или менѣе свободный строй лицейской жизни, особенно для воспитанниковъ старшихъ классовъ, ихъ внѣ-лицейскія знакомства и т. д., — эту, въ общемъ, довольно богатую умственную и нравственную атмосферу, среди которой жилъ въ Лицеѣ будущій писатель, для котораго во

всему присоединялись еще болѣе близкія и непосредственныя литературныя связи и знакомства, пріобрѣтенныя еще съ дѣтства, въ отцовскомъ домѣ, и теперь, въ Лицеѣ, сами собою упрочившіяся и развившіяся... Раскрывая и поясняя намъ многія біографическія подробности, — комментаріи настоящаго изданія въ тоже время даютъ подробную исторію постепеннаго развитія, внутренняго роста писателя, картину постепеннаго самосовершенствованія его поэтическаго таланта. Въ нѣкоторыхъ изъ лицейскихъ стихотвореній поэтъ самъ указываетъ намъ свои первыя литературныя связи, говоритъ о разныхъ своихъ литературныхъ увлеченіяхъ, перечисляетъ своихъ наиболѣе раннихъ „любимыхъ писателей“, первыхъ учителей“ и руководителей его на литературномъ поприщѣ. Комментаріи указываютъ намъ главные факты, различныя обстоятельства и подробности въ этой начальной исторіи развитія выступающаго писателя, — важнѣйшіе факторы совершавшагося въ немъ внутренняго процесса... Лицейскія произведенія Пушкина немало даютъ и для характеристики общаго нравственнаго слада, духовнаго облика Пушкина-лицеиста, какъ писателя, — указаній на обнаруженіе уже здѣсь, въ Лицеѣ, нѣкоторыхъ оригинальныхъ чертъ его будущей поэзіи. Уже по лицейскимъ стихотвореніямъ отчасти мы можемъ судить о будущемъ Пушкинѣ. Уже здѣсь, въ этихъ произведеніяхъ, мы видимъ весьма значительное общее образованіе молодого поэта, по крайней мѣрѣ стремленіе расширить его, нѣкоторой начитанности, раннее развитіе лучшихъ, наиболѣе здоровыхъ и свѣжихъ литературныхъ вкусовъ и симпатій. Въ связи съ этимъ нельзя не видѣть уже очень рано пробивающагося стремленія къ поэтической самостоятельности, уже рано проявляющагося вполнѣ самостоятельнаго отношенія къ своимъ литературнымъ образцамъ. Комментаріи академическаго изданія подчеркиваютъ самостоятельность Пушкинскихъ подражаній... Уже въ лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина какъ его современниковъ такъ и теперешняго изслѣдо-

вателя поражаетъ превосходство языка, изящество внѣшнихъ формъ, необычайная для нашей тогдашней литературы художественность; въ юношѣ-поэтѣ любопытно обнаруживающееся нерѣдко стремленіе придать въ своихъ стихахъ мимолетному явленію или факту болѣе общій смыслъ и значеніе, художнически обобщить частное явленіе, личное, субъективное чувство... Нерѣдко уже здѣсь, въ лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина, насъ поражаетъ отзывчивость музы юнаго поэта, реальность содержанія и направленія его поэзіи, ея близость къ окружающей его обстановкѣ; лицейскія стихотворенія Пушкина вообще не отдѣлимы отъ той почвы, на которой возникли, отъ цѣлаго ряда живыхъ лицъ и подробностей... Очень многія изъ этихъ произведеній относятся къ разряду тѣхъ, въ которыхъ юношеская муза начинающаго поэта „за чашей пѣла для гостей“, —

И какъ вакханочка рѣзвилась... Но рядомъ съ юношеской живостью чувства, юношескимъ легкомысліемъ, — нерѣдкими сценами и картинами извѣстнаго содержанія, — со всей этой данью, вполне естественной и понятной, „днямъ юности златой“, — не можемъ не замѣтить здѣсь же и другой стороны, для насъ болѣе существенной и важной, гораздо болѣе говорящей изслѣдователю, біографу поэта: рядомъ съ сейчасъ отмѣченными пьесами, во множествѣ другихъ лицейскихъ пьесъ, принадлежащихъ тому же юношѣ-поэту, насъ не можетъ не поражать зрѣлость мысли, проявленіе серьезной вдумчивости, наблюдательности, проблески замѣчательнаго для такихъ лѣтъ знанія человѣческаго сердца и вообще людскихъ отношеній... Замѣчательно, напр., это уже рано пробуждающееся въ юношѣ-поэтѣ сознаніе его будущаго поэтическаго призванія, рѣшимость слѣдовать этому высшему призванію, — не смотря на „опасность“ этой „тропы“, на крики „безумныхъ дружинъ“, возможность „безславнаго паденія“ и „гоненій“, а также и того, что вообще — участь „писателей“ не блестяща;

Судьбой имъ не даны ни мраморны палаты,
Ни чистымъ золотомъ набиты сундуки:
Лачужьи подъ землей, высоки чердаки —
Вотъ пышны ихъ дворцы, великолѣпны залы...;

что —

Ихъ жизнь рядъ горестей, гремѣща слава — сонъ...
Замѣчательнъ и этотъ взглядъ на искусство, на литературное произведеніе, — рано проявляющіяся постоянныя и чрезвычайно старательныя заботы о внѣшней отдѣлкѣ своихъ поэтическихъ опытовъ... Чрезвычайно любопытно и это раннее обращеніе къ новымъ сюжетамъ для своей поэзіи, къ мотивамъ безыскусственнаго народнаго творчества, — хотя на первыхъ порахъ еще весьма условное; попытки юнаго поэта въ этомъ отношеніи еще крайне слабы, случайны и болѣе чѣмъ что другое носятъ характеръ подражательности, подчиняются вліянію старыхъ традицій; для выступающаго поэта нужна была еще долгая и трудная школа, чтобы эта сторона его поэзіи получила должный характеръ и направленіе... Нельзя, наконецъ, не отмѣтить уже въ лицейскихъ произведеніяхъ Пушкина столь нерѣдко проглядывающей общей искренности, задушевности чувства, — этой, на прим., необыкновенно нѣжной и глубокой привязанности поэта къ своимъ юнымъ товарищамъ, къ своему родному Лицею. Нельзя не отмѣтить при этомъ и особой какой то элегической струи, нерѣдко пробивающагося какого-то особаго, какъ бы сдавленнаго меланхолическаго чувства, хотя чаще всего мимолетнаго...

Таково содержаніе лицейскихъ стихотвореній Пушкина, — на сколько оно, со всею полнотою и обстоятельностью, выясняется „примѣчаніями“ разсматриваемаго академическаго изданія. Въ другомъ мѣстѣ мы постараемся съ бѣльшей подробностью воспользоваться богатымъ матеріаломъ, который дается здѣсь академическимъ изданіемъ; въ настоящемъ случаѣ, въ заключеніе своей замѣтки, разросшейся и безъ того гораздо больше, чѣмъ

предполагалось нами, мы позволимъ себѣ лишь выразить желаніе, которое, конечно, раздѣлится всѣми, кто познакомился съ разсмотрѣннымъ первымъ томомъ „Сочиненій Пушкина“ — видѣть возможно скорѣе и слѣдующіе томы, — и пожелаемъ почтенному академику-редактору силъ и здоровья для возможно-скорѣйшаго завершенія начатаго имъ монументальнаго труда.
